

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

**Создание произведений
детской литературы
на эвенкийском языке**

МОНОГРАФИЯ

Наталья Копцева

**Создание произведений детской
литературы на эвенкийском
языке. Монография**

«Издательские решения»

Копцева Н. П.

Создание произведений детской литературы на эвенкийском языке. Монография / Н. П. Копцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859194-5

Данный проект предполагает разработку научно-методического обеспечения для создания произведений эвенкийской детской литературы, которые можно будет использовать для воспитания и обучения эвенкийских детей. Конечной целью проекта является формирование условий для сохранения и передачи будущим поколениям КМНС уникального культурного наследия коренных малочисленных народов, проживающих на территории Эвенкийского муниципального района.

ISBN 978-5-44-859194-5

© Копцева Н. П.
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Динамика этнических процессов у эвенков ¹	10
Особенности языков коренных малочисленных народов Красноярского края	11
Языковой коллектив – языковое сообщество – языковая общность	32
Границы языка	33
Разграничение языка и диалекта	34
Динамика языка	36
Прогресс и регресс языка	38
Языковой сдвиг и «смерть» языка	39
Базовые концепты в эпосах коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающих на территории Красноярского края	41
Методические рекомендации	47
История создания эвенкийского письменного языка, словарей, учебников, учебных пособий	48
Послереволюционный период языковой политики в СССР	51
Второй период – со второй половины 1930-х годов	55
Деятельность Г. М. Василевич и ее историческое значение	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Создание произведений детской литературы на эвенкийском языке

Монография

Авторы: Копцева Наталья Петровна, Амосов Анатолий Егорович, Кистова Анастасия Викторовна, Колесник Мария Александровна, Лобакова Наталья Михайловна, Кривоногов Виктор Павлович, Лузан Владимир Сергеевич, Пименова Наталья Николаевна, Резникова Ксения Вячеславовна, Середкина Наталья Николаевна, Сертакова Екатерина Анатольевна, Ситникова Александра Александровна, Смолина Майя Гавриловна, Замараева Юлия Сергеевна, Петрова Ксения Ильинична, Ермилова Елизавета Сергеевна

Иллюстратор Ксения Вячеславовна Резникова

- © Наталья Петровна Копцева, 2017
- © Анатолий Егорович Амосов, 2017
- © Анастасия Викторовна Кистова, 2017
- © Мария Александровна Колесник, 2017
- © Наталья Михайловна Лобакова, 2017
- © Виктор Павлович Кривоногов, 2017
- © Владимир Сергеевич Лузан, 2017
- © Наталья Николаевна Пименова, 2017
- © Ксения Вячеславовна Резникова, 2017
- © Наталья Николаевна Середкина, 2017
- © Екатерина Анатольевна Сертакова, 2017
- © Александра Александровна Ситникова, 2017
- © Майя Гавриловна Смолина, 2017
- © Юлия Сергеевна Замараева, 2017
- © Ксения Ильинична Петрова, 2017
- © Елизавета Сергеевна Ермилова, 2017
- © Ксения Вячеславовна Резникова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9194-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторский коллектив благодарит

Главу Эвенкийского муниципального района Красноярского края

Евгения Яковлевича Васильева,

Председателя комитета по делам Севера и поддержке коренных малочисленных народов Законодательного собрания Красноярского края

Анатолия Егоровича Амосова

за поддержку и помощь на всех этапах реализации исследовательского проекта по сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

© Краевая региональная общественная организация «Содружество просветителей
Красноярья»

Введение

Современный опыт показывает, что процессы глобальных трансформаций ставят под вопрос сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, проживающих на северных и арктических территориях Российской Федерации. Данные территории переживают сейчас вторичную индустриализацию, что является важнейшим обеспечением стратегической безопасности нашего государства, как экономической, так и духовной. В настоящее время коренные малочисленные народы Красноярского края нуждаются в целенаправленной и рациональной государственной политике, связанной с сохранением и трансляцией их уникальной лингвистической культуры, их родных языков. Актуальной и острой проблемой является постепенное снижение и утрата социокультурной жизнеспособности родных языков коренных малочисленных народов Красноярского края, проживающих в Эвенкийском муниципальном районе.

Факторы, которые сегодня активно влияют на жизнеспособность языков малочисленных народов Эвенкийского муниципального района:

- 1) число представителей этнокультурной группы и число людей, говорящих на родном языке данной этнокультурной группы;
- 2) распределение носителей языка по группам возрастов;
- 3) этнокультурный характер семейно-брачных отношений;
- 4) практики аккультурации и социализации;
- 5) пространство локального проживания данной этнокультурной группы;
- 6) межкультурные лингвистические коммуникации;
- 7) виды социальных коммуникаций, характерные для данного этноса;
- 8) этнокультурная идентичность и самоидентичность;
- 9) образовательные практики в школах;
- 10) государственная политика в области родных языков той или иной этнокультурной группы (Кибрик, 1992, 68—70).

Государственная политика в области сохранения родных языков этнокультурных групп коренных малочисленных народов может способствовать как уничтожению этих языков, так и возрождению. История языков знает и те, и другие примеры. В настоящее время ЮНЕСКО руководствует специально созданной классификацией языков, которые подвергаются рискам исчезновения.

Принято выделять следующие категории:

- 1) «неустойчивые» языки, для которых характерно то, что большее количество детей данной этнокультурной группы говорят на этом языке, однако сам язык используется лишь в ограниченных сферах жизнедеятельности этноса;
- 2) языки, «находящиеся в опасности», где дети данной этнокультурной группы перестали изучать язык как свой родной;
- 3) языки, «находящиеся в серьезной опасности» (их в качестве разговорного используют исключительно старшие поколения);
- 4) языки, переживающие критическое положение (на них разговаривают только пожилые люди);
- 5) языки, которые вот-вот полностью исчезнут.

При этом право на использование родного языка определено мировым сообществом как основное право человека, вне зависимости от того, выражает ли использование данного языка принадлежность к социальному меньшинству или принадлежность к доминирующей социальной группе.

Первый принцип государственной политики в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера – это взять на себя обязательство проводить позитивную государственную культурную политику в области родных языков представителей данных этнокультурных групп. Однако данный принцип невозможно осуществить без второго принципа успешной языковой государственной политики – наличия высокого ценностного отношения представителей данной этнокультурной группы о своей этнической принадлежности, т.е. наличия процессов позитивной этнической идентификации и самоидентификации. Сохранение и дальнейшее процветание родных языков коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации напрямую связано с тем, является ли для конкретных представителей этих этнокультурных групп владение и использование этого языка самими людьми и их детьми безусловной социальной, культурной и персональной ценностью.

Необходимо отметить, что в ситуации глобальных трансформаций, которая связана со вторичной индустриализацией Эвенкийского муниципального района Красноярского края, культурная идентичность и самоидентичность коренных малочисленных народов стремительно разрушается. Их языки подвергаются активной этнокультурной коррозии.

В 2015 году 5 ноября был принят Закон Красноярского края «О РОДНЫХ (НАЦИОНАЛЬНЫХ) ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ» №9—3816 – единственный среди субъектов Сибирского федерального округа. В преамбуле к Закону говорится о том, что он «направлен на создание условий для сохранения, изучения, использования, исследования, преподавания, пропаганды, равноправного и самобытного развития, государственной поддержки, защиты родных (национальных) языков коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края».

В Сибирском федеральном университете с 2010 г. ежегодно проводятся полевые исследования коренных малочисленных народов Красноярского края, компактно здесь проживающих. Речь идет о следующих муниципалитетах: Туруханский район, Северо-Енисейский район, Эвенкийский муниципальный район, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район.

В течение 2010—2017 гг. силами ученых, аспирантов, студентов Сибирского федерального университета состоялись полевые исследования коренных малочисленных народов Красноярского края, к которым относятся этнокультурные группы эвенков, ненцев, долган, чулымцев, нганасан, селькупов, кетов, энцев. Зачастую к этой группе относят и якутов, проживающих на озере Ессей в Эвенкийском муниципальном районе.

Данные этнокультурные группы имеют общую численность по данным Всероссийской переписи 2010 года. 16 266 человек. Отдельные этнокультурные группы коренных малочисленных народов Красноярского края в 2010 году имели следующую численность: долганы – 5 810 чел., эвенки – 4372 чел., ненцы – 3633 чел., чулымцы – 145 чел., нганасаны – 807 чел., селькупы – 281 чел., кеты – 957 чел., энцы – 221 чел.

В соответствии с названным ранее критерием – численностью представителей данной этнокультурной группы – уже можно отнести родные языки этих этнокультурных групп к языкам, как минимум, находящимся в серьезной опасности, и, как максимум, к исчезающим языкам. Для всех восьми этнокультурных групп, представителей коренных малочисленных народов Красноярского края необходимо срочно применять меры целенаправленной государственной культурной политики в области сохранения родных языков, если поставить целью сохранение их уникальной культуры.

Данные демографических исследований коренных малочисленных народов Красноярского края профессора В. П. Кривоногова свидетельствуют о крайне опасной языковой ситуации в среде коренных малочисленных народов Красноярского края. Приведем в качестве примера критерий, связанные с тем, используют ли «материнский» язык дети коренных

малочисленных народов Красноярского края. Дети (до 18 лет) долган – 32,1% знают и говорят на долганском языке; дети кетов – 1,7% знают и говорят на кетском языке; дети чулымцев (до 18 лет) вообще не знают и не говорят на чулымском языке; дети ненцев – 54,1% знают и говорят на родном языке; дети нганасан – 47,6% знают и владеют родным языком; 1,7% детей энцев знают и говорят на родном языке; 51,1% детей эвенков знают и владеют родным языком; данные по детям селькупов В. П. Кривоноговым не приводят. Однако в ходе полевых исследований, проведенных учеными и студентами Сибирского федерального университета в 2010 г. в деревне Фарково Туруханского района, где компактно проживают селькупы Красноярского края, свидетельствуют о том, что ситуация со знанием родного языка детей селькупов здесь крайне тяжелая.

Можно констатировать, что языки кетов, нганасан, чулымцев Красноярского края, селькупов находятся в преддверии процессов исчезновения. При этом во многих субъектах Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, отсутствуют региональные нормативно-правовые акты, связанные с определением принципов государственной политики как по отношению к уникальному культурному наследию этих народов в целом, так и по отношению к их родным языкам.

Динамика этнических процессов у эвенков¹

В 1997 и в 2017 годах в Эвенкии были проведены комплексные исследования по современным этническим процессам с использованием метода массового опроса. Выявлены существенные изменения в хозяйстве, в разных областях материальной и духовной культуры. Резко снизилось значение оленеводства, в настоящее время в нем заняты около 1/10 части эвенкийских семей. Лучшие сохранились охота и рыболовство, в них занята почти треть мужчин. На любительском уровне охотой и рыболовством занимается подавляющее большинство мужчин, а значительная часть женщин не утратили навыков шитья и вышивки бисером. Активно идет процесс языковой ассимиляции, дети практически на нем не говорят и не понимают, хотя большинство эвенков изучает родной язык в школе. Количество национально-смешанных семей, в основном с русскими, приблизилось к половине всех семей, большинство детей из этих семей вливаются в эвенкийский этнос. В результате этих браков доля метисов среди эвенков приближается к двум третям, а среди детей их доля достигла 9/10. Эвенки превращаются в группу русскоязычных метисов, но с устойчивым этническим самосознанием и с сохранением некоторых элементов традиционной культуры в некоторых областях материальной и духовной культуры.

В 1997 году одним из авторов данной главы были проведены комплексные этнографические исследования по изучению современных этнических процессов у эвенков Эвенкийского автономного округа. Использовались самые различные методы, но центральное место среди них занял массовый опрос эвенков по специальной этнографической анкете, который дал богатый материал, позволяющий судить не только о прошлом и настоящем эвенков, но и сделать некоторые прогнозы на будущее. Было опрошено 25-процентов всех эвенков округа. Результатом стала монография и ряд статей [6,7,8,9]. В 2017 году было решено повторить исследование по такой же программе, чтобы замерить динамику этнических процессов.

На территории Эвенкийского муниципального района эвенки не являются большинством, составляют незначительный процент, который в советский период в связи с индустриальным освоением Севера, постоянно снижался.

В 1970 году в Эвенкии при общей численности населения округа 12,7 тыс. чел. эвенков было 3,2 тыс., или 25,3%. В 1989 году общее население достигло 24,8 тыс. чел., из них эвенков числилось 3,5 тыс., или 14,0% (подсчитано по данным соответствующих переписей населения).

Однако в 1990-е гг. приток пришлого населения прекратился, наоборот, численность русских и других национальностей на Севере стала падать. В настоящее время (перепись, 2010) в Эвенкии проживает 16,3 тыс. чел., из которых эвенков – 3583 чел., или 22,1%

Численность эвенков колеблется, то растет, то снижается, но в целом остается стабильной. В последние 20 лет показатели рождаемости и смертности у эвенков почти идентичны, естественный прирост близок к нулю. На численность влияет также миграция за пределы муниципального района. О невысокой рождаемости говорит такой показатель, как средний размер семьи. Он невелик и близок к таковому у русских. В 1997 году в нашей выборке размер семьи был 3,8 чел. на семью, сейчас – 3,6 чел.

Большинство поселков, в которых проживают эвенки, смешанные по национальному составу. В пределах округа однонациональных поселков немного (Суринда, Эконда и др.).

¹ Исследование В. П. Кривоногова и Е. С. Ермиловой (2017)

К смешанным можно отнести населенные пункты Тутончаны, Нидым, Кислокан, Полигус, Ошарово, Куумба и др.

В бывших окружном и двух районных центрах Эвенкии (Тура, Байкит, Ванавара) в основном проживает пришлое население, процент эвенков в этих крупных, по сути, промышленных поселках, был невелик. Однако миграции эвенков сюда активно идут все последние десятилетия, абсолютное и относительное количество эвенков в них растет (хотя Байкит и Ванавара потеряли статус районных центров, а окружной центр – Тура – сейчас считается райцентром).

Как распределены эвенки по НП разного национального состава показывает таблица 1. Налицо быстрая концентрация эвенков в русских по составу поселках (это как раз и есть Тура, Байкит и Ванавара).

	Национальный состав НП		
	Преимущественно русские НП (эвенков менее 20 %)	Смешанные НП (эвенки от 20 до 80 %)	Эвенкийские поселки (эвенков более 80 %)
1997	25	46	29
2017	55	24	21

Таблица 1. Распределение эвенков по населенным пунктам разного национального состава (материалы экспедиций, в %)

Рассматривая миграции под углом этнических процессов, важно выяснить – каким образом они влияют на характер размещения эвенков относительно других национальностей. Существует ли миграционный поток из однонациональных поселков в смешанные? Покидают ли эвенки свою этническую территорию? И, наконец, развивается ли процесс урбанизации, то есть переезд из сельской местности в города и поселки? Очевидно, что для сохранения этнического облика, традиционной культуры и языка наиболее благоприятные условия существуют в небольших сельских однонациональных поселках.

Было показано (табл. 1), что значительная часть эвенков оказалась в смешанных селах. Но важно узнать, стабильна ли эта сложившаяся система расселения, или миграции продолжают вносить в нее свои коррективы?

Удалось выяснить, что миграции 1970-80-х годов шли в направлении из однонациональных поселков в смешанные или преимущественно русские, особенно в районные и окружные центры. Об этом говорит доля приезжих эвенков среди взрослых жителей сел разного национального состава. Например, среди жителей однонационального поселка Эконда в 1997 году доля уроженцев других мест составила 24,7%, в смешанном поселке Тутончаны – уже 43, 6%, а в Туре и Байките (суммарно) – 85,7%. Спустя 20 лет получены аналогичные показатели: в эвенкийском поселке Суринда доля уроженцев других поселков среди взрослых составила 18,7%, а центре Эвенкии, поселке Тура – 80,0%. Но есть и изменения – из смешанных, но небольших по численности поселков также начались активные миграции в крупные русские по составу поселки.

В результате миграций в настоящее время половина взрослых эвенков проживает не в месте своего рождения (табл. 2).

Место рождения	1997	2017
в месте опроса	46,3	49,8
в другом селе данного района	30,1	33,5
в другом районе Эвенкии	6,9	7,7
в Иркутской области	11,9	6,3
на Дальнем Востоке	1,9	1,0
в селе на «материке»	0,8	-
в городах России	2,1	1,7
Итого	100	100

Таблица 2. Распределение эвенков по месту своего рождения (в %, данные опросов)

К концу 1990-х годов 18,0% мужчин и 33,1% женщин были потенциальными мигрантами (то есть, при опросе выразили желание сменить место жительства). Это довольно высокий процент, выше, чем у других народов Севера. Причем высока доля и тех, чей переезд означал бы смену этнической среды. Так, в окружной и районные центры хотели переехать 4,2% мужчин и 11,0% женщин, были настроены на переезд в город 7,7% мужчин и 17,4% женщин, есть желающие переехать в село на «материке» (на юге).

В настоящее время потенциальные мигранты составили 20,4% среди мужчин и 28,5% среди женщин, т. е. среди мужчин их стало немного больше, среди женщин – меньше, но в целом примерно на прежнем, довольно высоком уровне. В том числе на переезд в районные центры Эвенкии настроены 2,8% мужчин и 9,5% женщин (немного меньше, чем за 20 лет до этого), за пределы Эвенкии – 14,8% мужчин и 16,8% женщин (у мужчин показатель существенно возрос, у женщин немного снизился, но по-прежнему желание переехать у женщин сильнее, чем у мужчин).

Чем выше уровень образования, тем заметнее стремление к переездам, в том числе в окружной центр, в райцентры, в город, за пределы основной этнической территории. Так, потенциальные мигранты составили в 1997 году среди лиц с начальным и ниже образованием у мужчин 8,7%, с высшим (законченным и незаконченным) – 28,%. Среди женщин соответственно 14,3% и 51,4%. Эта же тенденция сохранилась и 20 лет спустя. И среди женщин, и среди мужчин потенциальных мигрантов среди имеющих начальное и ниже образование не оказалось вообще, а среди лиц с высшим образованием – 22,2% у мужчин и 38,5% у женщин. Причем почти все потенциальные мигранты с высшим образованием планируют выезд за пределы Эвенкии – 22,2% мужчин и 34,6% женщин.

Особенно высока доля потенциальных мигрантов (как и везде) среди молодежи. В возрасте 16—19 лет в 1997 г. хотели сменить место жительства 42,9% юношей и столько же девушек, причем соответственно 28,6 и 32,1% планировали уехать в города, остальные – в райцентры Эвенкии. В настоящее время хотят уехать 40% юношей, причем все – в город, а среди девушек – 85,7%, в том числе в город – 42,9%. Это указывает на высокую вероятность дальнейшего изменения системы расселения в сторону уменьшения компактности и создает условия для усиления взаимодействия с другими национальностями.

Основными отраслями хозяйства у эвенков были охота, оленеводство, рыболовство [3;11;12;13;14;15;16;17;19;20]. У одних групп большую роль играло оленеводство, у других преобладали охота и рыболовство [1, с. 706]. Наряду с кочевыми эвенками были оседлые и полuosедлые

При обширности территории расселения эвенков, при том, что в прошлом они кочевали близ русских сел и поселков с населением, порой намного более многочисленным, чем сами эвенки, сохранение их как этноса как раз и зависело от того, насколько они остаются привер-

женными традиционным занятиям. Разница в хозяйственной деятельности эвенков и русских была серьезным барьером, не позволяющим первым раствориться среди вторых. Отход от традиционных занятий и оседание в смешанных поселках нередко ведет к смешению с пришлым населением, а порой и к деэтнизации. Но даже при проживании в смешанных поселках есть шанс сохранить себя в случае, если сохраняется разница в занятиях с пришлым населением, то есть традиционные занятия играют роль тормоза в развитии ассимиляционных процессов. Как же обстоит дело с традиционными занятиями у эвенков в конце XX века и начале XXI вв.?

В последнее десятилетие прошлого века доля эвенков, занятых в традиционном хозяйстве, значительно сократилась, женщин в этих отраслях вообще почти не осталось (всего 4,1%, табл. 3), среди мужчин немногим более четверти, причем охота и рыболовство показали большую устойчивость, а вот оленеводство явно поразил кризис. Справки, взятые нами в органах власти в Байките и Туре, указывают на резкое сокращение поголовья оленей с начала 1990-х гг., в некоторых эвенкийских поселках их не осталось вообще, в других поголовье сократилось в 3—10 раз. Это связано с неудачными экономическими преобразованиями начала 1990-х годов, когда большинство коллективных хозяйств (совхозов) было ликвидировано и вместо них попытались создать иные формы деятельности (родовые хозяйства, семейные и др.). Анализ этих экономических преобразований требует специального рассмотрения, прежде всего экономистами. Мы такой цели не ставили и укажем лишь на последствия – то есть, на сокращение поголовья домашнего оленя и вынужденный переход значительной части эвенков от оленеводства к охоте, иным промыслам, но уже в условиях оседлого образа жизни. Огромную долю составили безработные – треть всех мужчин и каждая шестая женщина. Однако в дальнейшем ситуация несколько улучшилась, доля безработных сократилась примерно в два раза, не уменьшилось и количество занятых в традиционных отраслях, составив 31,0% среди мужчин и 5,0% среди женщин (табл. 4).

	Социально-профессиональные группы						
	Традиц. Занятия	Неквалифицированные Рабочие	Квалифицированные Рабочие	Служащие и спец-ты	Руководители	Безработные	Домохозяйки и
Мужчины	26,2	18,9	7,9	6,1	7,4	33,5	-
Женщины	4,1	34,7	2,5	34,3	6,6	17,0	0,8

Таблица 3. Социально-профессиональные группы эвенков в 1997 (данные опроса, в %)

	Социально-профессиональные группы							
	Традиц. занятая	Неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Служащие и спец-ты	Руководители	Предприниматели	Безработные	Домохоз.
Муж.	31,0	25,0	14,3	11,9	1,2	2,4	14,2	-
Жен.	5,0	38,1	4,3	33,8	5,1	-	10,1	3,6

Таблица 4. Социально-профессиональные группы эвенков в 2017 (данные опроса, в %)

Совсем иные показатели получены по традиционным занятиям вне основной работы, то есть на любительском уровне. Имели к этим занятиям отношение 94,4% мужчин и 77,3% женщин. С оленеводством имеют, точнее, имели дело около половины мужчин (55,4%), однако цифра эта быстро сокращалась, оленеводы переходили в разряд охотников. Имело к концу 1990-х оленей лишь 16,9% эвенкийских семей, в том числе лишь 3% обладали стадами более 50 голов. Многие женщины сохранили навыки работы со шкурами, вышивки бисером [6, с.179], изготовления национальной одежды, но всем этим они вполне могут заниматься и дома, а вот в тайге они бывают все реже.

В настоящее время выяснилось, что на любительском уровне традиционные занятия по-прежнему востребованы, показатели уменьшились – но не намного, к ним имеет отношение 89,7% мужчин и 73,7% женщин, но вот имеющих навыки оленеводства стало заметно меньше – лишь 29,9% мужчин. А в реальности имеют оленей лишь 10,2% эвенкийских семей.

Уровень образования последние десятилетия постоянно повышался, и как везде на Севере, женщины значительно опередили мужчин в стремлении к учебе. К настоящему времени неграмотных и малограмотных практически не осталось, уменьшилось число взрослых с начальным образованием. Доля со средним специальным и высшим образованием продолжает расти: у мужчин за 20 лет с 24,4% до 32,6%, у женщин с 41,6% до 48,2% (табл. 5). Но, в то же время, выросло число и тех, кто получает неполное среднее образование (у мужчин с 30,4% до 37,8%, у женщин с 19,8% до 31,5%).

	1997						
	Ниже начального	Начальное	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Незак. высшее	Высшее
Муж	1,7	8,8	30,4	34,7	12,7	3,9	7,8
Жен	2,8	4,4	19,8	31,4	28,5	4,0	9,1
2017							
Муж	-	6,1	37,8	23,5	23,5	1,0	8,1
Жен	-	2,3	31,5	18,0	33,1	0,6	14,5

Таблица 5. Уровень образования эвенков в 1997 и 2017 (данные опросов, в %)

Итак, за последние десятилетия разница в хозяйственной деятельности между эвенками и русским населением уменьшилась. Многие эвенки занимаются практически тем же, чем и живущие с ними или по соседству русские. Надо сказать, что из разных видов хозяйственной деятельности служило барьером для ассимиляционных процессов только кочевое оленеводство, но сейчас оленями занимается только 1 из 10 эвенкийских семей. А вот охота и рыболовство при оседлом образе жизни таких охранительных функций фактически не имеют, так как при этом семьи рыбаков и охотников проживают в поселках вместе с русскими, да и сами охотники и рыбаки покидают поселки на непродолжительное время. Кроме того, русские, живущие в эвенкийских поселках, также нередко занимаются и охотой, и рыболовством, так что разница в хозяйственной деятельности между аборигенами и пришлым населением становится несущественной [8, с.27]. Это обуславливает активное взаимодействие между коренным и пришлым населением, ведущее, как правило, к развитию ассимиляционных процессов.

Материальная культура эвенков была тесно сопряжена с их хозяйственной деятельностью. И, естественно, массовый отход от традиционных занятий, изменение всего образа жизни не могли не отразиться на материальной культуре, многие ее элементы стали исчезать, другие видоизменились.

К началу XX века у эвенков преобладала традиционная одежда. Из шкур оленя изготавливали кафтан (летом – из летних, зимой – из зимних шкур оленя). Спереди на груди полы связывались ремешками. Под кафтан надевали нагрудник. Тесемки нагрудника завязывались сзади на шее и на талии [1, с. 720—721]. Кафтаны у мужчин и у женщин были одного покроя, но нагрудник у мужчин внизу заканчивался углом, а у женщин прямым срезом. В плечевой шов вшивали бахрому из козьего меха. Спинка праздничного кафтана украшалась орнаментом из меховых полосок. Нагрудник украшали орнаментом из бисера. Летний кафтан нередко изготавливали из покупного сукна, зимнюю парку из оленьи шкур [1, с. 720—721]. Рукавицы обычно пришивали к рукавам. При далеких переездах зимой поверх парки надевали глухой меховой сокуй.

Унты летом шили из ровдуги, сукна, зимой из камуса. Голенища могли быть разной длины. Зимой унты надевали на меховые чулки. Шапки были меховые, в виде капора, отороченные вокруг лица мехом [1, с. 722]. К югу от Нижней Тунгуски было распространено ношение сложенных широким жгутом платков, которые повязывали вокруг лба и затылка [1, с. 722]. При опросе 1997 года выяснилось, что национальная одежда имелась у более чем половины эвенков (56,8%), хотя обладателями полного костюма оказались лишь 18,1%.

Традиционную одежду имели 55,8% мужчин и 60,3% женщин (полный костюм – 25,5% мужчин и 12,3% женщин). Сейчас эти показатели заметно упали, у мужчин 25,8% (костюм – 6,1%), у женщин 27,8 (костюм – у 3,2%). У молодежи это одежды еще меньше, у юношей – лишь у 12,1%, (и ни одного полного костюма), у девушек – 15%. Кроме личной национальной одежды имеются еще комплекты стилизованной сценической национальной одежды в учреждениях культуры, которая используется вокально-танцевальными ансамблями, которых немало в Эвенкии (при учебных и культурных учреждениях)

Утварь, орудия труда, различные традиционные предметы быта тесно связаны с традиционным хозяйством, и при переходе эвенков в иные сферы деятельности их использование стало сокращаться. Но полностью они не исчезают хотя бы по той причине, что на любительском уровне многие эвенки сохранили отдельные виды традиционной деятельности, а значит, сохранилась и потребность в подобных вещах. Эвенки изготавливали упряжь для езды на оленях, верховые и грузовые седла. Для перевозки грузов использовали переметные сумы из камуса с основой из бересты. Нарты были разных типов, но в западной части ареала, то есть в приенисейском крае, чаще встречались нарты самодийского типа – высокие, с пазовым креплением, но, в отличие от ненецких, с упругим изогнутым «бараном» (дугой) на передке. На нарты садились, в отличие от самодийцев, справа [1, с. 711]. Для передвижения по рекам использовали долбленные лодки. Иногда встречались лодки с дощатыми бортами, а также берестянки [1, с. 712]. На лодках использовалось двухлопастное весло, при движении вверх по течению применялся шест. В низовьях Нижней Тунгуски встречались дощатые лодки [1, с. 713]. У эвенков использовались широкие лыжи, по насту применялись голицы, по глубокому снегу подклеенные камусом. Утварь изготавливалась из дерева и бересты, из покупной посуды чаще всего можно было встретить чайник, чашки [1, с. 720]. К XIX веку огнестрельное оружие заменило лук и стрелы. Из традиционных орудий труда и оружия сохранилась т. н. «пальма» – большой нож на длинной рукоятке, заменяющий и топор, и копье.

Те или иные предметы традиционной материальной культуры (кроме одежды) имелись 20 лет назад в 54,4% эвенкийских семей. Среди них инструменты для обработки шкур – в 45,4% семей, упряжь и другие предметы, связанные с оленеводством переметные сумки,

нарты и т. д. – 23,5%, упряжка – 12,6%, самодельные охотничьи (21,7%) и рыболовные (16,3%), принадлежности, традиционные лыжи – 28,2%, долблённые лодки – 12,1% и т. д.

В настоящее время число семей, в которых сохранились эти вещи, сократилось, осталось 38,2%. Чаще эти предметы встречаются в однонациональных поселках. Так, 20 лет назад в таких поселках имели традиционные вещи и утварь 64,2% эвенкийских семей, в смешанных поселках – 61,2%, в преимущественно русских – 41,7%. В настоящее время показатели упали по всем типам поселков – в однонациональных – 60,5% семей, в смешанных 42,9%, в преимущественно русских – 29,2%. По этим показателям видно, что быстрее эти вещи выходят из употребления в смешанных и русских поселках, так как там население в большей степени отошло от традиционных занятий.

Национальная кухня эвенков к началу XX века – это в основном блюда из дичи, рыбы, кроме того, под влиянием русских в рацион прочно вошел хлеб [1, с. 716]. Дополнением служили ягоды и оленьё молоко. Летом и осенью добавлялась боровая и водоплавающая птица. Мясо варили в котле или жарили на вертеле. Мясной навар пили из чайных чашек, заедая кусками вареного мяса. Мясо лося и оленя вялили на солнце впрок в мелко нарезанном виде. Сушеное мясо при переездах перетиралось и превращалось в муку, эту муку заваривали в кипятке. Кровь употребляли свежей и вареной. Хранили кровь в промытом желудке оленя. Кишки промывали, выворачивали жиром вовнутрь и варили. Лакомством считался костный мозг. Свежую печень и сердце обычно съедали на месте разделки туши. На зиму заготавливали вяленую на солнце рыбу. Сушили рыбу и на огне, из нее изготавливали порсу. Из дикорастущих и ягод собирали дикий лук и чеснок, бруснику, голубику, морошку. Ягоды ели, размяв и залив чернику. Хлеб, заимствованный у русских, изготавливали по-своему – в виде колобков в золе или в виде лепешек на огне. Распространен был чай, обычно пили по несколько раз в день [1, с. 717]. Как и везде на Севере, сейчас национальные блюда – не основа питания, а скорее дополнение к блюдам из покупных продуктов. Редко национальные блюда готовятся в неполных семьях, не имеющих в своем составе мужчин, занимающихся охотой. Мужчины, больше связанные с традиционными промыслами, чаще имеют в своем рационе традиционные блюда, чем женщины.

С национальной кухней знакомо подавляющее большинство эвенков, потребляли национальные блюда в 1997 году 92,3% мужчин и 82,2% женщин, причем регулярно – 53,3% мужчин и 37,1% женщин. За 20 лет эти показатели изменились очень мало, что говорит о большой устойчивости этого вида материальной культуры. Сейчас употребляют блюда национальной кухни 93,5% мужчин и 88,8% женщин, в том числе регулярно соответственно 49,1% и 33,5%. У мужчин эти показатели несколько выше, чем у женщин, так как они больше связаны с тайгой, с охотой и рыболовством.

Материалы последних переписей населения указывают явную тенденцию к снижению показателя по родному языку. По переписи 1979 года по округу назвали эвенкийский язык родным 86,1% эвенков, в 1989 – 73,7%, а в 2010 – 44,0%. В это время знание русского языка приблизилось к 100%.

Результаты наших исследований подтверждают это, русский язык стал доминирующим в речевом поведении эвенков.

Только эвенкийский язык признали родным в 1997 году 31,3% эвенков, в равной мере два языка – русский и эвенкийский – 7,2%, только русский – 61,5%. К настоящему времени ситуация еще больше усугубилась: только эвенкийский язык признали родным 14,0% опрошенных эвенков, одновременно два языка – 19,8%, только русский – 66,2%. Число эвенков с родным русским языком увеличилось не очень значительно, гораздо больше увеличилось число тех, кто признал родными оба языка.

Уровень языковой компетенции напрямую зависит от национального поселков. В однонациональных поселках число признавших родным эвенкийский язык выше. За 20 лет сни-

жение показателя произошло по всем типам сел, но соотношение показателей между разными типами сел сохранилось (табл. 6)

Таблица 6. Родной язык эвенков в НП разного национального состава

	1997			2017		
	Родной язык					
	Эвенкий- ский	Оба языка	Русский язык	Эвенкий- ский	Оба языка	Русский язык
Эвенкийски е НП	36,1	6,8	57,1	25,8	28,0	46,2
Смешанные НП	29,1	6,9	64,0	19,3	13,7	67,0
Русские НП	28,9	8,1	63,0	7,2	19,4	73,4

Динамика происходящих изменений в языке видна и при сравнении показателей на две даты, и при сравнении показателей по разным возрастным группам (табл. 7).

Возраст	1997			2017		
	Родной язык					
	Эвенкийский язык	Оба языков	Русский язык	Эвенкийский язык	Оба языков	Русский язык
70 и старше	85,7	-	14,3	90,9	9,1	-
60-69	83,3	11,1	5,6	64,7	35,3	-
50-59	86	2	12	44,7	25,5	29,8
40-49	75,5	11,8	12,7	20,5	40,9	38,6
30-39	60,4	7,6	32	12,1	30,3	57,6
20-29	22,5	9,8	67,7	4,7	24,7	70,6
10-19	4,1	7,7	88,2	-	8,3	91,7
До 10	2,5	4,2	93,3	-	4,6	95,4

Таблица 7. Родной язык эвенков в разных возрастных группах (по данным опроса, в %)

Даже те, кто считает эвенкийский язык родным, порой редко пользуются им в жизни. Показатели по основному языку общения говорят об этом. Уже в 1997 году число тех, для кого эвенкийский язык был основным разговорным, составило лишь 4,3%. А сейчас их вообще почти не осталось – 0,4%. Сократилось число и тех, кто в равной степени использует оба языка, с 16,8% до 10,7%. Для остальных 88,9% (20 лет назад – 78,9%) основным разговорным является только русский язык. Распределение этого показателя по возрастным группам показало, что среди детей и молодежи эвенкийский язык был не в ходу и 20 лет назад, а сейчас вообще таких почти не осталось (табл. 8)

Возраст	1997			2017		
	Основной разговорный язык					
	Эвенкийский язык	Оба языков	Русский язык	Эвенкийский язык	Оба языков	Русский язык
70 и старше	14,3	35,7	50	-	18,2	81,8
60-69	25	52,8	22,2	5,9	52,9	41,2
50-59	12	52	36	-	29,8	70,2
40-49	5,9	41,2	52,9	2,3	9,1	88,6
30-39	7,6	25,7	66,7	-	16,4	83,6
20-29	1,5	9	89,5	-	6	94
10-19	1,4	3,1	95,5	-	1,4	98,6
До 10	0,4	4,2	95,4	-	1,9	98,1

Таблица 8. Основной разговорный язык эвенков в разных возрастных группах (по данным опроса, в %)

Степень владения эвенкийским языком за 20 лет значительно снизилась (табл. 9). В два раза упала доля тех, кто владеет им свободно (с 31,1% до 15,1%). Постепенно приближается к половине доля тех, кто вообще его не понимает (за 20 лет с 34,2% до 41,3%).

	Владеют свободно	С некотор. затрудн.	Со значит. затрудн.	Понимают, но не говорят	Не владеют
1997	31,1	4,4	9,2	21,1	34,2
2017	15,1	6,0	12,2	25,4	41,3

Таблица 9. Степень владения эвенками эвенкийским языком (по данным опроса, в %)

Снижение наблюдается как в эвенкийских поселках, так и в смешанных, хотя. Конечно, в первых эти показатели лучше (табл. 10,11)

Типы НП	Владеют свободно	С некотор. затрудн.	Со значит. затрудн.	Понимают, но не говорят	Не владеют
Эвенкийские	38,5	4,1	12,2	19,9	25,3
Смешанные	27,9	3,3	6,6	24,0	38,2
Русские	27,3	5,8	9,3	19,0	38,6

Таблица 10. Степень владения эвенками эвенкийским языком в НП разного национального состава (по данным опроса, 1997 г., в %)

Типы НП	Владеют свободно	С некот. затрудн.	Со значит. затрудн.	Понимают, но не говорят	Не владеют
Эвенкийские	24,7	14,0	12,9	20,4	28,0
Смешанные	18,4	4,6	17,4	22,0	37,6
Русские	10,1	3,6	9,7	28,6	48,0

Таблица 11. Степень владения эвенками эвенкийским языком в НП разного национального состава (по данным опроса, 2017 г., в %)

Динамика этого показателя по возрастным группам на обе даты однозначно указывает на сокращение числа молодежи и детей, которые им владеют (табл. 12,13). Практически среди детей не осталось тех, кто владеет эвенкийским языком свободно, а 85,2% детей до 10 лет его попросту не понимает, несмотря на обучение ему в школе (20 лет назад таких было 71,3%)..

Возраст	Владеют свободно	С некот. затрудн.	Со значит. затрудн.	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и старше	85,7	14,3	-	-	-
60-69	86,1	8,3	5,6	-	-
50-59	86,0	4,0	-	8,0	2,0
40-49	78,4	4,9	3,9	9,8	3,0
30-39	55,6	6,2	16,0	14,6	7,6
20-29	19,5	5,3	19,5	34,6	21,1
10-19	5,0	3,6	11,7	30,8	48,9
До 10	3,7	2,1	2,5	20,4	71,3

Таблица 12. Степень владения эвенками эвенкийским языком в разных возрастных группах (по данным опроса, 1997 г., в %)

Возраст	Владеют свободно	С некот. затрудн.	Со значит. затрудн.	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и старше	81,8	18,2	-	-	-
60-69	70,6	17,6	5,9	5,9	-
50-59	53,2	6,4	6,4	29,8	4,2
40-49	25,0	11,3	27,3	18,2	18,2
30-39	14,9	10,5	20,9	32,8	20,9
20-29	1,2	5,9	15,5	41,7	35,7
10-19	-	1,4	13,9	29,2	55,5
До 10	-	0,9	1,9	12,0	85,2

Таблица 13. Степень владения эвенками эвенкийским языком в разных возрастных группах (по данным опроса, 2017 г., в %)

Из других языков в некоторой степени распространен якутский, так как это соседний народ, с которым эвенки довольно давно контактируют. Однако общее число знакомых с этим языком невелико, чаще это члены смешанных якутско-эвенкийских семей. Всего знакомых с якутским языком – 1,8% опрошенных, но свободно владеющих им нам не встретилось.

В каких ситуациях используются два основных языка в семье и вне её? Относительно чаще используется эвенкийский язык в общении с родителями, но во всех ситуациях русский язык преобладает над эвенкийским. И за 20 лет снижение показателей произошло в общении во всех ситуациях (табл. 14).

Используют в общении с:	1997			2017		
	Язык общения					
	Эвенкий-ский язык	Оба языка	Русский язык	Эвенкий-ский язык	Оба языка	Русский Язык
Родителями	23,9	28,1	48,0	6,7	33,3	60,0
братьями, сёстр.	15,7	13,2	71,1	2,9	16,7	80,4
друзьями	3,8	25,3	70,9	1,7	14,0	84,3
супругами	12,0	27,6	60,4	2,0	18,4	79,6
детьми	4,4	22,1	73,5	0,5	16,1	83,4
на работе	5,2	22,2	72,6	1,6	20,1	78,3

Таблица 14. Использование эвенками основных языков региона в разных ситуациях (по данным опросов, в %)

Преподавание на эвенкийском языке ведется уже не одно десятилетие. Это объясняет сравнительно высокий, по сравнению с другими коренными народами региона, показатель владения письменностью, хотя, конечно, со степенью владения русской письменностью он несравним. В большинстве ситуаций лишь 1 из 5 опрошенных использует эвенкийский язык, и то в основном наряду с русским.

Эвенкийский язык имеет письменность и довольно давно введен в программу школ. В настоящее время 81,3% опрошенных школьников и взрослых заявили, что изучали эвенкийский язык в школе, в том числе 20,8% в начальных классах, 53,3% – до 9-го класса, а 8,2% – и в старших классах. Но, несмотря на это, эвенков, умеющих читать и писать на эвенкийском языке относительно немного – и число их явно снижается. В 1997 году из числа школьников и взрослых (7 лет и старше) заявили, что могут писать и читать по-эвенкийски 37,0%, только читать – еще 20,1%. В 2017 году – соответственно 29,3 и 20,3%.

А вот с русским языком проблем нет – умели читать и писать по-русски 20 лет назад 96,4%, сейчас – 99,4% (остальные 0,6% только читают). Не умели читать и писать по-русски только глубокие старики, но за 20 лет их не стало)

Изучение эвенкийского языка в школе не спасает эвенков от языковой ассимиляции, дети этим языком почти не владеют. Это еще раз подтверждает истину, что основы родного языка закладываются не в школе, а в семье, и не с семи лет, а с самого рождения. Но как раз в семье эвенкийский язык почти перестал использоваться, что и привело к плачевным результатам.

В разных областях духовной культуры также происходит взаимодействие двух языков, причем во многих случаях русский доминирует.

Устное народное творчество эвенков состояло из песен-импровизаций новых песен, мифов, рассказов о животных, сказаний, заговоров и т. д. [1, с. 729] Песни эвенки могли импровизировать по любому поводу на мотив музыкальной строки. При импровизации добавляли слоги для сохранения ритма. Мифы повествовали о создании мира, о происхождении земли, человека, животных. В них отражалось представление о шаманских мирах и их обитателях. Есть ряд мифов о шаманах. Рассказы о животных превратились в сказки для детей [1, с. 730]. Больше всего эпизодов в этих сказках посвящено лисе. Существовал былинный героический эпос, при исполнении которого речитатив перемежался пением. Порой сказание длилось всю ночь и даже несколько ночей. В сюжетах о похождениях богатырей фигурируют чудовища и людоеды. Есть исторические предания о межплеменных столкновениях. В бытовых рассказах повествуется о случаях на охоте, высмеиваются глупость, лень, трусость и т. д. [1, с. 730] /

В песенном жанре до сих пор эвенкийский язык используется довольно широко. Кроме естественной межпоколенной передачи фольклора, идет передача через школу, клубы, художественную самодеятельность, причем в последнее время явно преобладал второй вариант. Несмотря на языковую деформацию за 20 лет показатели почти не изменились. Только по-эвенкийски пели в 1997 году 2,2% всех, кто старше 7 лет, на двух языках – 33,6%, на русском – 61%. Сейчас по-эвенкийски предпочитают петь 6,2%, на двух языках – 25,9%, на русском – 60,9%. Несмотря на то, что поют по-русски больше эвенков, но сам факт остановки процесса вытеснения эвенкийского языка из этого вида духовной культуры указывает на успехи местных органов культуры и образования в деле сохранения национальной культуры. И хотя по поколениям налицо снижение языкового показателя в этом жанре к младшим возрастным группам (табл. 15,16), но через 20 лет показатели оказались таким же. Это значит, что те, кто не пел по-эвенкийски в детстве, позже приобщились к этому искусству.

Возраст	Язык исполнения песен			
	эвенкийский	Оба языка	Русский	Не поют
60 и старше	14,0	58,0	24,0	4,0
40-59	1,3	55,3	41,4	2,0
20-39	2,2	34,6	59,2	4,0
7-19	0,7	17,0	79,2	3,1

Таблица 15. Язык исполнения песен в разных возрастных группах эвенков (по данным опроса 1997 г., в %)

Возраст	Язык исполнения песен			
	эвенкийский	Оба языка	русский	Не поют
60 и старше	3,6	57,1	21,4	17,9
40-59	15,2	27,2	50,0	7,6
20-39	4,0	24,5	63,6	7,9
7-19	1,2	16,7	89,9	1,2

Таблица 16. Язык исполнения песен в разных возрастных группах эвенков (по данным опроса 2017 г., в %)

Более пяти эвенкийских песен знали в 1997 году 14,6% от числа всех, кто старше 7 лет, еще 31,0% знали хотя бы одну или несколько песен, остальные 54,4% не знали ни одной. Спустя 20 лет показатели изменились, но незначительно. Знают более 5 песен 9,9%, пять или менее – 36,3%, не знают эвенкийских песен 53,8%. И хотя более половины эвенков не знают национальных песен, но этот показатель за 20 лет не вырос, что можно также считать успехом местных учреждений культуры и образования. Среди стариков знали хотя бы одну или несколько песен 78%, среди детей и молодежи 8—19 лет – лишь 23,5%. Однако 20 лет спустя цифры почти не изменились (среди стариков 67,9%, среди детей и молодежи до 20 лет 23,8%). Это значит, что происходит освоение песенной культуры теми, кто первоначально был с ней незнаком или знаком слабо. И даже в самой младшей возрастной группе происходит частичное освоение песенного жанра.

Аналогичное положение в таком виде фольклора, как национальные сказки. Знающих более трех сказок было в 1997 году 17,6% (в возрасте 8 лет и старше). Еще 11,9% знают хотя бы 1—3 сказки. Есть и такие, кто сказки слышал, но наизусть не помнит, их 29,6%, остальные 40,9% вообще эвенкийских сказок не слышали. За 20 лет некоторое снижение этих показателей произошло, но очень незначительное. Заявили при опросе, что помнят более 3-х сказок 20,3%, знают хотя бы 1—3 сказки, 8,7%, не знают, но слышали их ранее 27,9%, не знакомы с этим жанром 43,1%. Стабилизация этого показателя происходит благодаря знакомству со сказочным жанром в начальной школе. В старших возрастных группах показатели по знакомству со сказочным жанром выше, но по истечению 20 лет показатели в возрастных группах практически не изменились.

Традиционные свадебные обряды были распространены среди эвенков еще в начале XX века. Подбирали невесту с учетом экзогамных норм. За невесту полагался калым (тори). Невеста приносила в новую семью приданое (сурувук). Калым чаще всего состоял из оленей, но могли быть и другие предметы, например, нож, топор и т. п. Зажиточные оленеводы могли иметь и две, и даже три жены. Многоженство просуществовало до начала XX века. [18, с. 54—55]. Встречались отработки за жену вместо калыма. Вопросы брака решали старшие родственники, прежде всего со стороны отца. Добрачные половые связи допускались, нередко свадьба проводилась после рождения ребенка. Когда невеста выбрана, к ее родителям посылался сват. О его намерениях говорила пальма, которую он втыкал в землю. На пальму вешалась уздечка; после чего начинался разговор о размере калыма. В случае отказа пальму и уздечку выносили из чума. [18, с. 56]. При получении калыма, отец невесты делил его между родственниками, подавалось свадебное угощение, и невесту, закрыв ей голову платком, отправляли в чум жениха. Там также устраивалось угощение, после чего молодожены оставались одни. В свадебной церемонии участвовал шаман, который произносил благие пожелания молодым [18, с. 56].

Способов захоронения эвенки практиковали несколько, после контактов с русскими отпечаток наложили и православные обряды. До XVIII века преобладало воздушное захоронение – тело укладывали на помосте и закрывали кустами и тонкими стволами деревьев. Рядом клали личные вещи лук, стрелы, нож и т. п. [18, с. 165]. Другой способ – устанавливали гроб на двух столбах, а личные вещи развешивали на соседних деревьях. На похоронах закалывали оленя и устраивали тризну. Напутственные слова произносил шаман. Чум покойного сжигали и откочевывали в другое место. Спустя год, родственники собирались на поминки. [18, с. 165]. К концу XIX века перешли на захоронение в земле, а воздушное применялось только в отношении детей. При захоронении в земле рядом привязывали оленя, который умирал от голода. Позже оленя стали закалывать, а шкуру и голову развешивали на соседних деревьях. Мертвых ориентировали лицом к востоку. На могилах иногда делали

сруб с крышей. Место для захоронений выбирали сухое и возвышенное. Сопроводительный инвентарь портили, в одежде делали прорези.

Традиционные обряды практикуются сейчас весьма редко, хотя многие и слышали о них. Но удивительно, что невысокие в 1997 показатели по свадебному и родильному обряду к настоящему времени не уменьшились (табл. 17). Хотя воочию эти обряды видели в жизни единицы, но слышали о них сейчас не меньше, а даже больше респондентов, чем 20 лет назад. Возросла осведомленность населения и о похоронном обряде. Хотя видели в жизни его все меньше людей (старики, которые застали их, уходят из жизни).

Лучше всего сохраняется наиболее консервативный похоронный обряд, хотя он значительно видоизменился, приобрел новые, несвойственные ему ранее черты.

родильный			Свадебный			Похоронный		
Не зна- ко- мы	Слы- шали	Наблю- дали, участво- вали	Не зна- ко- мы	Слы- шали	Наблюда- ли, участво- вали	Не зна- ко- мы	Слы- шали	Наблю- дали, участво- вали
1997								
86,6	10,7	2,7	78,7	18,4	2,9	49,7	26,1	24,2
2017								
77,3	20,5	2,2	78,1	21,2	0,7	27,1	51,4	11,5

Таблица 17. Знакомство эвенков с основными обрядами (по данным опросов, в %)

Хотя молодые люди знакомы со всеми этими обрядами намного хуже, чем пожилые люди (в 2017 году не слышали о традиционном похоронном обряде 18,5% стариков и 43,8% молодых людей, о свадебном обряде соответственно 51,9% и 86,4%), но со временем, по мере взросления, информация о них распространяется и в следующих поколениях, в результате через 20 лет после первого опроса показатели оказались примерно такими же, то есть, происходит воспроизводство этой информации.

В современном мировоззрении эвенков отразились все перипетии смены идеологических установок за последние века, есть среди эвенков те, кто относит себя и к православным, и к атеистам, встретились приверженцы традиционного мировоззрения. К началу XX века мировоззрение эвенков сохраняло весьма древние формы религиозных представлений [1, с. 727]. Характерно было одухотворение всех явлений природы; существовало представление о верхнем и нижнем мирах, о душе, некоторые тотемические представления. Бытовали магические обряды, связанные с охотой и охраной оленей. В связи с развитием шаманизма появились сравнительно новые обряды – проводы души умершего, «очищение» охотников, посвящение оленя. Много обрядов, связанных с лечением больных. Принадлежностью шамана был особый кафтан, шапка с бахромой, прикрывающей лицо, бубен овальной формы с колотушкой [1, с. 728]. Костюм символизировал животное. Имелись обряды, связанные с культом медведя [1, с. 729]. Вместе с тем, определенное влияние на мировоззрение эвенков оказывало и православие, которое начало распространяться среди них с приходом русских.

В 1997 году, согласно опросу, 44,9% определили себя как неверующие (атеисты), приверженцев традиционной религии оказалось 26,8%, православных – 18,5%, а 7,9% считают себя одновременно и православными, и приверженцами традиционного мировоззрения. Еще 1,9% отнесли себя к протестантам, или заявили, что они верующие, но к определенной религии себя не относят. Через 20 лет показатели заметно изменились – атеистов оказалось значительно меньше – 25,2%, чисто сторонников шаманизма немного сократилось – 23,8%, православных стало немного больше – 23,4%, но особенно выросло число тех, кто является

одновременно и православным, и шаманистом, их стало 26,2% (прочие – 1,4%). Получилось 4 почти равных по численности группы, каждая из которых составляет $\frac{1}{4}$ часть эвенков: атеисты, шаманисты, православные, и православные-шаманисты.

Среди мужчин относительно больше неверующих и приверженцев традиционного культа, среди женщин значительная часть относит себя к православным или сочетающих православие с шаманизмом (табл. 18).

	1997				
	атеисты	шаманисты	Православные-шаманисты	православные	Иное
Мужчины	47,9	32,0	5,7	12,9	1,5
Женщины	43,1	23,7	9,2	21,9	2,1
2017					
Мужчины	32,4	28,7	22,2	16,7	-
женщины	20,8	20,8	28,7	27,5	2,2

Таблица 18. Религиозная принадлежность эвенков (по данным опросов, в %)

Между поколениями разница по религиозной принадлежности невелика, среди молодежи немного больше атеистов. Но это отнюдь не значит, что по мере смены поколений доля атеистов будет нарастать. Наоборот, за 20 лет эта доля заметно упала. Видимо многие приходят к религии не в молодости, а в среднем и старшем возрасте. Впрочем, в настоящее время даже среди молодежи до 30 лет атеистами является меньшинство – 28,9% (в среднем возрасте 20,6%, среди пожилых – 17,8%).

Родовая система постепенно забывалась [2, с. 160—171], многих респондентов вопрос о роде ставил в тупик, многие путали понятие рода и фамилии. Хотя нередко фамилии происходили из названия родов [4, с. 99—100], но всё же, совпадение неполное. В 1997 году свой род смогли назвать 40,1% опрошенных. Однако за последние 20 лет процесс «забывания» приостановился. Интерес к прошлому, к своей истории привел к тому, что уровень компетенции в родовой структуре даже поднялся. В 2017 году назвали свой род уже 47,0%. Среди пожилых людей назвали свой род 70,4% опрошенных, в среднем возрасте 62,9%, среди молодых 34,4%. Однако эти цифры не означают, что по мере смены поколений этот показатель будет непременно снижаться. Такое же соотношение по поколениям было и в 1997 году. Однако в течение двух десятилетий уровень компетенции увеличился во всех возрастных группах.

В прошлые века браки между эвенками и русскими заключались эпизодически, не были массово распространенным явлением. Вступали в такие браки лишь в тех группах эвенков, которые оставили традиционные занятия, расстались с оленеводством, перешли к оседлому образу жизни и крестьянскому быту. В среде оленеводов-кочевников подобные браки были немыслимы. Другое дело браки эвенков с северными народностями, имеющими аналогичный или близкий хозяйственно-бытовой уклад жизни. Для обширных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока было характерно формирование смешанных якутско-эвенкийских групп. На территории округа этот процесс шел и идет в северо-восточной части, где по соседству с эвенками живет крупная группа якутов [5, с. 483; 10, с. 182].

Значительное число смешанных браков с пришлым населением стало заключаться уже в послевоенный период, даже еще позже – с 1960-х гг. [10, с. 189—190] чему способствовало оседание эвенков в смешанных поселках, а кроме того, изменение образа жизни, приближение его к европейскому образцу, в чем нельзя не видеть влияния длительного содержания детей эвенков в школах-интернатах. Уже к концу 1970-х гг. в смешанные браки вступала

треть эвенков округа, и их доля продолжала расти [6, с. 49—50]. Количество смешанных браков напрямую зависит от национального состава населенных пунктов. В однонациональных поселках (Суринда, Учами) таких браков сравнительно немного, в смешанных (Тутончаны, Полигус) их число возрастает, а в преимущественно русских достигает максимума.

В 1997 в нашей выборке среди эвенков оказалось 40,6% смешанных семей, в том числе 27,2 – русскими, 7,7% – с народами Сибири (больше всего с якутами), 5,7% – с другими европейскими народами (украинцами, белорусами, немцами и т.д.).

Спустя 20 лет смешанных семей стало 46,2%. Рост заметен, но сравнительно небольшой. Семьи, смешанные с русскими – 32,9%, с народами Сибири – 6,3%, с другими европейскими народами – 7,0%.

По разным типам поселков, в зависимости от их национального состава, количество браков заметно разнится, но при этом за 20 лет существенных изменений не произошло (табл. 19)

	национальный состав поселков		
	эвенкийские	Смешанные	русские
1997	12,6	44,6	59,8
2017	15,6	42,4	58,1

Таблица 19. Доля национально-смешанных семей в НП разного национального состава

В смешанных браках в 1997 году состояло 20,0% мужчин (в т. ч. с женщинами монголоидного круга популяций – 9,5%, с русскими и представительницами других европейских народов – 10,5%). Иные показатели по женщинам. В смешанных браках состояло половина – 50,0%, в том числе с представителями европейских национальностей – 44,3%. И вот, прошло 20 лет. Показатели увеличились, но весьма незначительно. Имели жен иных национальностей 22,0% эвенков, в том числе европейских национальностей – 15,2%. У женщин общий показатель – 53,3%, в том числе имели мужей европейских национальностей – 46,7%.

Прорыв эндогамии привел к массовой метисации эвенков. Среди опрошенных в 1997 году метисы составили 50,2% (табл. 20). Доля метисов с той или иной долей европеоидного компонента достигла 40,5%. Спустя 20 лет метисация значительно увеличилась, сейчас чистокровные эвенки составили лишь 35,1%, остальные 64,9% – метисы. В том числе 50,9% – с европеоидным компонентом (остальные – выходцы из смешанных семей с народами Севера и Сибири, чаще всего якутами)

	Национальность предков			
	эвенки	Эвенки и монголоид. народы	Эвенки, монголоид. и европеоид. Народы	Эвенки и европеоид. Народы
1997	49,8	9,7	7,3	33,2
2017	35,1	14,0	11,6	39,3

Таблица 20. Доля метисов разного типа среди эвенков (по данным опросов, в %)

Естественно, в смешанных поселках метисов больше, в однонациональных меньше (табл. 21)

Типы НП	Национальность предков			
	эвенки	Эвенки и монголоид. народы	Эвенки, монголоид. и европеоид. Народы	Эвенки и европеоид. Народы
1997				
Эвенкийские	64,5	11,1	4,1	20,3
Смешанные	53,8	4,2	4,8	37,2
русские	31,5	14,1	13,2	41,2
2017				
Эвенкийские	58,0	8,6	6,5	26,9
Смешанные	33,0	13,8	11,0	42,2
русские	27,4	16,1	13,7	42,8

Таблица 21. Доля метисов разного типа среди эвенков в НП разного национального состава (по данным опросов, в %)

Распределение смешанного населения по возрастным группам указывает на то, что при смене поколений метисация нарастает, а среди детей достигает максимума (табл. 22,23)

Возраст	Национальность предков			
	эвенки	Эвенки и монголоид. народы	Эвенки, монголоид. и европеоид. народы	Эвенки и европеоид. Народы
70 и старше	71,4	14,3	14,3	-
60-69	69,4	13,9	-	16,7
50-59	74,0	8,0	6,0	12,0
40-49	74,5	11,8	1,0	12,7
30-39	65,3	9,7	6,9	18,1
20-29	43,6	9,8	8,3	38,3
10-19	35,3	10,9	8,1	45,7
До 10	37,5	7,1	10,0	45,4

Таблица 22. Доля метисов разного типа среди эвенков разных возрастных групп (по данным опроса 1997 г., в %)

Возраст	Национальность предков			
	эвенки	Эвенки и монголоид. народы	Эвенки, монголоид. и европеоид. народы	Эвенки и европеоид. Народы
70 и старше	81,8	18,2	-	-
60-69	76,5	23,5	-	-
50-59	57,4	21,3	8,5	12,8
40-49	50,0	11,4	-	38,6
30-39	32,8	17,9	7,5	41,8
20-29	40,5	10,7	11,9	36,9
10-19	25,0	9,7	12,5	52,8
До 10	10,2	14,8	22,2	52,8

Таблица 23. Доля метисов разного типа среди эвенков разных возрастных групп (по данным опроса 2017 г., в %)

Среди детей раньше метисы составляли 62,5%, а сейчас, спустя 20 лет – 89,8%, то есть 9 из 10 детей эвенков – смешанного происхождения.

Доля населения смешанного с якутами, намного меньше, чем с русскими и другими европейскими народами, но также постепенно нарастает. Всего ту или иную долю якутского компонента имели 15,4% эвенков, а сейчас уже 19,3%.

Смешение с якутами в основном идет в северной части Эвенкии (бывший Илимбийский район). Здесь среди эвенков доля имеющих якутский компонент в родословной составляла 23,4%, а сейчас уже 33,5%. На юге (бывший Байкитский район) заметно меньше: 2017 г. – 5,7%

В состав эвенков мы включали только тех детей в смешанных семьях, которые относятся родителями к эвенкийской национальности. Для выявления характера и направленности этнических процессов, а также для выяснения демографической ситуации важно знать, сколько детей из смешанных семей впоследствии становятся эвенками, а сколько – выбирают иную национальность.

Если раньше чаще всего национальность определяли по отцу [10, с. 190—191], то сейчас этот порядок нарушился. Оказалось, что в 1997 году 80,0% детей из смешанных семей эвенков, независимо от национальности отца, становятся эвенками. В 2017 году эта цифра почти не изменилась – 81,9%. С одной стороны, это улучшает демографические показатели, а также служит доказательством того, что быть эвенком престижно, то есть самосознание у этноса устойчиво. Но с другой, неизбежные последствия, выражающиеся в том, что массовый наплыв метисов с ослабленными этническими характеристиками как бы «размывает» и «разбавляет» этнос, ускоряет ассимиляционные процессы в языке и культуре. При этом имеется в виду именно языковая и культурная ассимиляция, а не полная, связанная со сменой национального самосознания. Здесь как раз наоборот, получается, что скорее эвенки ассимилируют русских, русскую национальность метисы выбирают довольно редко. Здесь, конечно, определенную роль играет и некоторая конъюнктура, стремление иметь те льготы, которые были установлены для малочисленных народов Севера государством. Однако и в реальности метисы, даже не зная языка, не владея национальной культурой, чаще всего и «в душе» отождествляют себя с коренной национальностью, беседы со многими из них в этом нас убедили.

Большинство эвенков в силу смешанной системы расселения трудятся в разнонациональных трудовых коллективах (61,2% в 1997 г., 64,4% в 2017). Это не вызывает какой-либо негативной реакции, в 1997 г. отнеслись положительно или нейтрально к работе в смешанном коллективе 73,3% респондентов, и только 22,7% ответили, что предпочли бы работать в своей национальной среде. В 2017 году – соответственно 74,8% и 16,9%.

О межнациональных установках говорит и отношение к национально-смешанным бракам. Здесь показатели сходны: предпочли бы такой брак однонациональному или считают, что национальность при заключении брака вообще не имеет значения в 1997 году 71,6% мужчин и 73% женщин, 23,7% мужчин и 21,7% женщин отметили, что для них предпочтительнее однонациональный брак. В 2017 году эти показатели оказались у мужчин 72,1% и 76,8% (положительное или нейтральное отношение), предпочитают однонациональный брак 25,8% мужчин и 19,0% женщин. Разница невелика, в целом отношение к таким бракам у большинства вполне

О тесных межнациональных контактах эвенков говорит наличие друзей иной национальности. В 1997 г. имело их 59,0% опрошенных, а сейчас 71,3%.

Развернувшийся процесс языковой и культурной ассимиляции отразился на ответах о перспективах существования своего народа. В 1997 году лишь 16,0% опрошенных считали, что через 2—3 поколения эвенки сохранят себя как этнос, еще 7,1% менее уверены в этом, 12,0% затруднились ответить, большинство же настроены пессимистически, считают, что этносу грозит быстрое исчезновение в течение ближайших десятилетий – 64,9%. Спустя 20 лет эти показатели существенно не изменились: уверены в будущем своего народа 17,2%, уверены в обратном – 57,1%

Подводя итоги можно сделать вывод, что падение оленеводства, которое мы наблюдали в 1990-е годы, значительно повлияло на этнические процессы эвенков в плане усиления ассимиляционных тенденций.

Более оптимистичными являются прогнозы по сохранению охоты и рыболовства на любительском уровне, вне основной работы. Видимо, в обозримом будущем эвенки сохраняют верность этим занятиям. Правда, речь здесь идет только о мужчинах, женщины будут бывать в тайге все реже и реже.

Очень мало надежды остается на сохранение эвенкийского языка в живом общении. В поколении детей и он превращается во второй язык, на котором разговаривают только с учительницей на уроках родного языка. А первым по-настоящему родным стал русский язык. И это тем более досадно, что эвенки довольно давно имеют возможность, в отличие от некоторых других коренных малочисленных этносов, изучать его в школе. Видимо, все же, главный механизм передачи языка следующему поколению находится не в школе, а в семье, и происходит эта передача не с 7 лет, а с младенчества. И если этот механизм передачи языка в семье нарушен, то школа уже не в силах радикально изменить ситуацию, в чем трудно упрекнуть саму школу. Динамика происходящих в настоящее время языковых процессов однозначна и легко просчитывается – эвенки быстро превращаются в русскоязычный этнос. Однако можно отметить, что усилия школы все же не остаются бесследными – снижение языковых показателей идет довольно медленно. То есть, школа, внедрение письменности, печать на родном языке не в силах предотвратить языковую ассимиляцию, но в какой-то мере ее замедляют.

Несмотря на снижение языковых показателей, удивительно стойким оказались некоторые виды духовной культуры, в чем заслуга, видимо, учреждений культуры и школы. Хотя у значительной части эвенков фольклор не востребован, все же такие жанры как песни и сказки сохраняют свое значение у части эвенков, и показатели сохранились прежними. Хорошо сохраняется также память об основных обрядах, хотя в жизни они практикуются все реже. В последние десятилетия наблюдается реанимация религиозного мировоззрения,

и сейчас эвенки разделились на атеистов, православных и приверженцев традиционного культа. Но, по сути, это разделение весьма условно, налицо синкретизм, при котором почти каждый эвенк имеет в своем мировоззрении частицу каждой из этих основных идеологических доктрин. В разных областях материальной культуры процессы отхода от традиций идут весьма неравномерно. Традиционное жилище стало большой редкостью, уходит и национальная одежда. А вот традиционная кухня стойко сохраняется также, но уже не в прежнем виде. Во-первых, сохранились не все, а только часть блюд, во-вторых, во всех случаях речь идет о сочетании традиционных блюд с русскими. Вот в таком смешанном виде рацион эвенков будет существовать, видимо, еще довольно долгое время, по крайней мере, в обозримом будущем больших изменений не предвидится. Быстрые и необратимые изменения происходят в генофонде эвенков в связи с массовым распространением национально-смешанных браков. Хотя доля смешанных браков растет весьма медленно, но она достигла таких высоких показателей, что эвенки стремительно превращаются в метисную популяцию. По мере естественной смены поколений, все эвенки станут метисами. Но при этом самосознание эвенков весьма устойчиво и пока что не заметно никаких симптомов, указывающих на изменения в этой области. Большая часть метисов в смешанных семьях вливаются в состав эвенков, что улучшает демографические показатели. То есть ассимиляция в языке и культуре не ведет к полной ассимиляции, связанной со сменой этнического самосознания, и растворению эвенков среди окружающего русского большинства. Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что эвенки остаются устойчивым этническим образованием, сохраняют себя в качестве этноса с прежним этнонимом, но с новым языком и с иным антропологическим обликом. Иначе говоря, эвенки превращаются в группу русскоязычных метисов с сохранением прежнего этнического самосознания и некоторых элементов в материальной и духовной культуре.

Примечания

1. Василевич Г. М. Эвенки // Народы Сибири. М.; Л., 1956
2. Василевич Г. М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
3. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ, 1951, №1.
4. Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // СЭС. М., 1962. Т.4.
5. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири. – М., 1946.
6. Кривоногов В. П. Эвенки бассейна Енисея (в соавт.) Новосибирск, 1992
7. Кривоногов В. П. Трансформация культуры эвенков // География на службе науки, практики и образования. Красноярск, 2001
8. Кривоногов В. П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. Красноярск, 2001.
9. Кривоногов В. П. Изменения в этнических процессах у западных эвенков в конце XX века // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2001.
10. Савоскул С. С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – М., 1970.
11. Стракач Ю. Б. К вопросу о производственных тенденциях эвенков // КСИЭ, 1962, Т. 37
12. Туголуков В. А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // СЭ. 1965, №3
13. Туголуков В. А. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // СЭ, 1963, №3.
14. Туголуков В. А. У эвенков реки Чуни и верховьев Вилюя // КСИЭ. 1962. Т. 32

15. Туголуков В. А. Хантайские эвенки (Очерк истории, хозяйства и культуры) // ТИЭ. 1963. Т. 84
16. Туголуков В. А. Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.
17. Туголуков В. А. Экондские эвенки // ТИЭ. 1960. Т.56.
18. Туголуков В. А. Эвенки и эвены // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980
19. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Иркутск, 1990.
20. Туров М. Г. К проблеме реконструкции модели хозяйства групп эвенков таежной зоны Средней Сибири (XVIII – начало XX вв.) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982

Особенности языков коренных малочисленных народов Красноярского края

Впервые термин «социолингвистика» был использован американским социологом Германом Карри в 1952 году, однако это не значит, что наука о связях общества и языка стала формироваться только тогда. Уже в XVII веке высказывались мысли о влиянии некоторых социальных факторов на язык (Гонсало де Крреас), а исследования, учитывающие социальную обусловленность языковых явлений, довольно активно велись с начала XX века (Ахманова, 1972).

В. И. Беликов и Л. П. Крысин в работе «Социолингвистика» (2001) пишут, что «язык есть явление общественное, а коли это так, то, естественно, развитие языка не может быть полностью автономным: оно, так или иначе, зависит от развития общества» (Беликов и Крысин, 2001, 100).

Основа социолингвистики – отношения между языком и обществом. Связь эволюции языка с социальными факторами, выбор того или иного языкового варианта говорящим, освоение детьми основ коммуникации, языковые контакты и их последствия – таков круг тем социолингвистики – науки, изучающей язык и его отношение к обществу (Боргоякова, 2001).

В данной работе нас интересуют взгляды на язык, связанные с его существованием и функционированием в обществе, и на те изменения, которые происходят с ним под влиянием человека и контактов с другими языками. Таким образом, здесь понятия, связанные с существованием и изменением языка, освещаются нами именно с позиции социолингвистики.

Языковой коллектив – языковое сообщество – языковая общность

Одним из ключевых для социолингвистики является понятие «языковое сообщество». Оно соотносится с такими терминами, как «языковой коллектив» и «языковая общность».

В. И. Беликов и Л. П. Крысин предлагают следующее определение языкового сообщества – «это совокупность людей, объединённых общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредованные контакты друг с другом и с разного рода социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространённых в этой совокупности» (Беликов и Крысин, 2001, 19). Но люди, говорящие на одном языке, не всегда составляют языковое сообщество. Так, американцы и англичане не принадлежат одному сообществу, хотя и говорят по-английски. «Границы распространения языков, – пишут авторы, – очень часто не совпадают с политическими границами. <...> Поэтому при определении понятия „языковое сообщество“ важно сочетание лингвистических и социальных признаков» (Беликов и Крысин, 2001, 20).

Определение языкового сообщества, данное В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным, очень близко к предложенному Л. Блумфилдом в монографии «Язык» (1933, рус. перевод – 1968) пониманию языкового коллектива. «Языковой коллектив» (speech community) – «это группа людей, взаимодействующих посредством речи» (Блумфильд). Иные виды связей (экономические, политические, культурные) в некоторой мере соотносятся с языковыми, но, по мнению Л. Блумфилда, редко совпадают с ними. Культурные особенности, как правило, распространены шире, чем языковые. Как пример учёный приводит ситуацию, бывшую в Северной Америке до прихода колонизаторов: каждое независимое племя индейцев имело собственный язык, составляя, таким образом, особый языковой коллектив, и также представляло собой отдельную политическую и экономическую единицу, но культура и религия сближали его с соседними племенами.

Аналогичную мысль высказывают Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин в работе «Социолингвистика и социология языка» (2004): «Границы этнической и языковой группы, как правило, не совпадают. В пределах одной этничности могут существовать разные языковые варианты, и, наоборот, на одном языке могут говорить разные этнические группы» (Вахтин и Головкин, 2004, 37). Под языковым вариантом в лингвистике понимают разновидность языка, как правило, самостоятельно функционирующую. Самыми известными являются языковые варианты английского языка: британский английский, американский английский, австралийский английский. Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин пишут: «В любом коллективе, даже небольшом, существует несколько языковых вариантов» (Вахтин и Головкин, 2004, 39).

Однако противоположную мысль о соотношении границ языковых групп с политическими, экономическими и др. высказывает Ю. С. Маслов во «Введении в языкознание» (1987), который утверждает, что «в громадном большинстве случаев коллектив людей, говорящих на одном языке («языковая общность»), – это коллектив этнический (нация, народность, племя)» (Маслов).

Границы языка

Границы самого языка также весьма трудно определить, поскольку язык часто существует в нескольких формах: литературный язык, обиходно-бытовой, просторечие, территориальные диалекты, социолекты и т. д. Тем не менее, лингвисты выделяют общее, образующее своего рода ядро языка. Ю. С. Маслов говорит следующее: «Язык коллектива (народа, нации <...>) не есть „научная фикция“, вынужденное „усреднение“ фактов индивидуальной речи. Он существует объективно, но только не как „непосредственная данность“, а как общее, существующее в отдельном, как то, что вновь и вновь воспроизводится в речи, повторяясь в тысячах, миллионах и миллиардах высказываний, произносимых и воспринимаемых в соответствующем коллективе» (Маслов). Бесчисленное количество конкретных оригинальных высказываний, таким образом, объединено чем-то общим и инвариантным, что позволяет языку существовать как некоторая целостная система и что обуславливается «существованием людей, человеческих коллективов, пользующихся этим языком как средством общения» (Атурюнов, 1987, 99).

А младограмматики напротив отрицали существование какого-либо общего языка, полагая, что реален только язык отдельной личности. Аналогичного мнения придерживался и Бодуэн де Куртенэ: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество». Академик А. А. Шахматов придерживался тех взглядов на существования языка, признавая общий язык «известной научной фикцией» (Гречко, 2003). А. А. Потебня утверждал реальности и общего и «личного» языков, считая речь «реализованным фрагментом языка, достаточным для раскрытия необходимых возможных единиц» (Гречко, 2003).

Разграничение языка и диалекта

По разным данным в мире существует от шести до шести с половиной тысяч языков. Такие колебания учёных связаны прежде всего с тем, что до сих пор однозначно не решено, что считать языком, а что диалектом: какими принципами руководствоваться? Ведь порой диалекты могут быть разработаны едва ли не лучше языка и функционировать на обширной территории. К тому же диалект может весьма сильно разниться с языком, вплоть до непонимания носителями диалекта речи носителей языка. А может быть обратная ситуация: говорящие на разных языках понимают друг друга без посредников (датчане и норвежцы, сербы и хорваты, и т.д.).

Существует несколько взглядов на такое разграничение:

Так, Н. Б. Мечковская (2001) полагает, что «статус языкового образования (т.е. языка, диалекта, арго, функционального стиля и т. п.), как и этнический статус некоторой общности людей, определяется самосознанием соответствующего коллектива. Языковое самосознание – это представление говорящих о том, на каком языке они говорят» (Мечковская, 2001). Именно самоопределение говорящих, по мысли исследовательницы, является более приоритетным по отношению к структурно-лингвистическому критерию. «Если коллектив говорящих считает родную речь отдельным языком, – пишет Н. Б. Мечковская, – отличным от языков всех соседей, значит, то, на чём данный коллектив говорит, – это отдельный самостоятельный язык. Соблюдая права человека, эту точку зрения должны принять и языковеды и политики» (Мечковская, 2001)

В. И. Беликов и Л. П. Крысин придерживаются такой же точки зрения, предлагая считать решающим в этом вопросе мнение самих носителей языка, однако он отмечает и наличие «объективных» показателей, к числу которых относит взаимопонятность, наличие престижного наддиалектного идиома (устного или письменного), а также политико-экономического процесса интеграции носителей родственных идиомов (Беликов и Крысин, 2001).

С. А. Арутюнов, касаясь проблемы соотношения языка и диалекта, также отмечает, что «нет достаточно чётких и корректных чисто лингвистических критериев, по которым можно было бы провести однозначное разделение между понятиями» (Арутюнов, 1987, 45), поэтому в каждом конкретном случае решающим оказывается осознание его характера массой его носителей. Например, любопытно, что грузины (люди, осознающие себя грузинами), как в Грузии, так и за её пределами, говорят на различных диалектах и говорах грузинского языка, а также языках, отдалённо родственных грузинскому. И с лингвистической точки зрения, это особые языки, даже имеющие собственное диалектное членение, однако их носители осознают себя грузинами, какие-то специфические сферы эти языки не обслуживают, поэтому «с этносоциальной точки зрения их роль равна роли главных диалектов грузинского языка» (Арутюнов, 1987, 45).

Некоторые лингвисты, например, Дж. И. Эдельман, вообще считают различие языка и диалекта не значимым. «При синхронном лингвистическом описании некоторой локальной лингвистической разновидности, при исследовании её истории или определении её генетической, типологической или даже ареальной отнесенности, – пишет Эдельман, – применение по отношению к ней терминов „язык“ или „диалект“ <...> практически безразлично: оно не является здесь квалификационным» (Беликов и Крысин, 2001, 91).

О. С. Ахманова пишет, что диалект принципиально отличается от языка тем, что он не самостоятелен. Диалект «находится в обязательной и неизбежной корреляции и взаимозависимости с другими диалектами» (Ахманова, 1972, 100) Таким образом, могут возникать «переходные случаи соотношения с прилегающими к нему смежными семиотическими системами» (Ахманова, 1972, 100). Поэтому границы диалекта нечётки: один диалект

плавно переходит в другой. Однако диалект может перейти из состава одного языка в другой (например, некоторые датские диалекты стали диалектами английского языка), или даже стать самостоятельным языком (долганский язык изначально существовал как диалект якутского).

Что касается мнения западных лингвистов, то они в вопросе разграничения языка и диалекта в большинстве своём так же считают лингвистические признаки вторичными, главным выделяя самосознание народа (Алпатов, 2000, 196).

Динамика языка

Язык – главное средство общения между людьми. «Язык возникает, развивается и существует как социальный феномен. Его основное назначение заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и прежде всего обеспечить общение между членами большого или малого социального коллектива, а также функционирование коллективной памяти этого коллектива» (Сусов). Посредством языка осуществляется обмен информацией и выстраиваются межличностные отношения, язык отражает окружающую человека действительность и, следовательно, происходящие в ней изменения. Постепенное изменение – естественное состояние для языка. Динамика показывает, что язык жив и нормально развивается.

Б. А. Серебрянников в «Общем языкознании» (1970) отмечает, что «языки не могут не меняться, прежде всего по той простой причине, что в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых и является язык, лежит отражение человеком окружающей его действительности, которая сама находится в постоянном движении и развитии» (Серебрянников). Становление и совершенствование живого языка завершается вместе с жизнью языка, то есть тогда, когда сам язык перестаёт существовать. Это постепенное и непрерывное изменение включает в себя не только перестройку и обновление в связи с прогрессом в обществе, но и усовершенствование языка, устранение противоречий и каких-либо изъянов и недостатков. Таким образом, «часть изменений носит терапевтический характер, возникая в силу внутренней необходимости перестройки языкового механизма» (Серебрянников).

Ю. В. Рождественский в «Лекциях по общему языкознанию» (1990) разделяет динамику языка на эволюцию, развитие и совершенствование. Эволюция и развитие в некотором смысле противопоставлены друг другу: при эволюции единицы языка изменяют свои фонетические (графические) и смысловые качества, но не происходит увеличения числа единиц или качественного усложнения их отношений, тогда как при развитии происходит и то, и другое. Совершенствование языка противостоит первым двум процессам, поскольку изменяется и развивается язык не стихийно, а в результате воздействия человека (Рождественский).

Причины изменений можно разделить на несколько групп: внешние, связанные с воздействием на язык каких-либо явлений извне, и внутренние, связанные с устройством и функционированием самого языка. Б. А. Серебрянников пишет, что «перестройка языка может протекать под влиянием двух разных движущих сил, из которых одна связана с назначением языка и реализацией коммуникативных нужд общества, а другая – с принципами организации языка, с его воплощённостью в определённую субстанцию и его существованием в виде особой системы знаков» (Серебрянников).

А. Мейе выделял три группы причин изменений, происходящих в языке: 1) структура языка (собственно лингвистические причины, связанные с устройством и функционированием); 2) условия существования языка (психические, физические, пространственные, социальные и др. факторы); 3) частные влияния других языков (языковые контакты) (Серебрянников)

Рассмотрим концепции языкового развития, где происходящие в языке изменения принято связывать с социальной структурой общества, в котором данный язык используется. Социолингвистика отличается чрезвычайно богатым разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений.

Е. Д. Поливанов, к примеру, считал, что «в развитии языка сложно взаимодействуют собственно языковые, внутренние, и внешние, социальные факторы» (Беликов и Крысин,

1991, 102). Общественные изменения, особенно резкие сдвиги, безусловно, оказывают на язык воздействие, но не следует переоценивать его масштабы. «Ход языкового развития Е. Д. Поливанов сравнивал с работой поршня паровоза. Подобно тому, как какой-либо общественный сдвиг не может заставить поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить направление фонетических и других процессов» (Беликов и Крысин, 1991, 102). Социальные факторы влияют на язык опосредованно, например, качественно или количественно меняют состав носителей того или иного языка, либо диалекта, и, следовательно, видоизменяются и «отправные точки его эволюции». Е. Д. Поливанов оговаривает и степень влияния социальных факторов на язык: в большей степени ему подвержена лексика, и в куда меньшей – морфология и синтаксис. Однако Е. Д. Поливанов отмечал, что «признание зависимости языка от жизни и эволюции общества вовсе не отменяет и не отрицает значения естественно-исторических „теорий эволюции“ языка» (Беликов и Крысин, 1991, 101).

М. В. Панов – автор теории антиномий, получившей в 60-е гг. широкое распространение – считал, что «в развитии языка ключевую роль играют постоянно действующие противоположные друг другу тенденции (антиномии), борьба которых и является движущим стимулом языкового развития» (Белков и Крысин, 1991, 105). Всего он выделял четыре таких тенденции:

1. Антиномия говорящего (тенденция к редуцированным формам) и слушающего (тенденция к полным формам): редуцированные формы экономят усилия, а значит весьма удобны говорящему, тогда как полные формы обеспечивают максимум информации, что упрощают процесс понимания, а значит, удобны слушающему;

2. Антиномия системы и нормы: с одной стороны, система разрешает употреблять всё, что не противоречит законам языка, с другой стороны, существует норма, которая отбирает для использования лишь некоторые формы;

3. Антиномия кода и текста: меньшему набору единиц требуется более длинный текст, чтобы передать какой-то определённый смысл, и, наоборот, большому набору единиц требуется для той же цели короткий текст;

4. Антиномия регулярности и экспрессивности: информационная функция языка требует чёткого и однозначного словесного выражения мысли, а эмотивная функция апеллирует ко всем богатствам языка.

М. В. Панов полагает, что временное доминирование той или иной тенденции в любой из антиномий, так или иначе, связано с положением социальных групп в обществе. Например, изменение состава носителей русского литературного языка в 20 – 30-е годы XX в. повлияло на произношение в сторону его буквализации: вместо старомосковского нормативного було [шн] ая, смеял [са] и тй [хы] й стали говорить було [чн] ая, смеял [с'а] и ти [х'и] й.

Крупную теорию языкового развития разработал американский лингвист У. Лабов. Согласно этой теории изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета сведений о языковом сообществе, которое пользуется этим языком. При исследовании изменений необходимо учитывать три аспекта: каким путём один этап изменения сменяется другим, в пределах какого непрерывного контекста это изменение происходит и, наконец, как это изменение оценивается говорящими. Однако важен и социальный статус подгруппы, где происходит изменение. Если она не занимает определённого положения в обществе, то изменение может быть не принято, начнётся реакция и обратный процесс в сторону нормы.

Прогресс и регресс языка

Несмотря на то, что динамика – признак жизнеспособности языка, любые изменения могут носить как прогрессивный, так и регрессивный характер. Прогрессивные изменения позволяют языку полноценно развиваться и, изменяясь, сохранять свою целостность и самобытность. Советская лингвистика, представленная, к примеру, работами Ю. Д. Дешериева, утверждала, что процесс развития языка должен быть неминуемо связан с языковым прогрессом, который понимался «как социальный продукт», то есть только тогда язык развивается прогрессивно, когда объём его общественных функций расширяется (Дешериев, 1977, 185 – 186).

Проблема прогресса в языке в разные эпохи трактовалась по-разному. Так, например, Ф. Бопп, Я. Гримм, А. Шлейхер, В. Гумбольдт, сравнивая древнеиндийский и современные европейские языки, пришли к мысли, что вся история языков – это постепенный упадок и оскудение. Другие же учёные наоборот полагали, что в упрощении нет ничего плохого. Например, Отто Есперсен писал, что чем проще грамматический строй, тем совершеннее язык.

Часто определить характер языковых изменений возможно только *post factum*. Одно можно сказать однозначно – изменение тогда будет регрессивно, когда приближает язык к «смерти».

Языковой сдвиг и «смерть» языка

В отечественной лингвистике биологические термины применительно к языку («здоровые», «больные», «исчезающие», «мёртвые») впервые были использованы А. Е. Кибриком.

«Здоровые языки, – пишет А. Е. Кибрик, – способны к воспроизводству или даже расширению своего социального статуса, сферы действия, численности носителей, иными словами, они функционируют и развиваются нормально, они жизнеспособны. „Больные“ языки находятся в той или иной стадии деградации» (Кибрик, 1992, 67). Их социальный статус постепенно снижается, уменьшается количество сфер деятельности и число носителей. Помимо социальных параметров на существование языка могут влиять и внутривидовые параметры: устойчивость структуры языка к иноязычному влиянию, динамика развития лексикона и т. д.

Тяжесть «болезни» определяется степенью «продвинутой» языка к мертвой точке» (термин Н. Б. Мечковской). Перевод языков из разряда «живых» в «мёртвые» затрагивает, как правило, «коммуникативно слабые языки с несложившейся системой форм и стилей. Однако известны и примеры исчезновения языков с развитой литературной формой (латынь, санскрит). Таким образом, как внутренние, так и внешние регрессивные изменения опасны для языков» (Мечковская).

Н. Б. Мечковская в «Общем языкознании» отмечает, что очень часто исчезновение языков сравнивают «с исчезновением многих видов животных, растений, с экологическими катастрофами: вместе с умиранием сотен языков всё это – разные проявления нарастающего неблагополучия в мире. Вслед за «красными книгами» фауны и флоры появились «красные книги» языков. Вопрос о выживании «умирающих» языков стал основным на XV Международном лингвистическом конгрессе (1992 г., Канада)» (Мечковская, 2001, 124).

Проблема вымирания языков в настоящее время привлекает всё больше внимания, так как именно «сейчас пришло осознание того, что языковое разнообразие имеет такую же ценность для человеческой цивилизации, как биологическое разнообразие для природы» (Боргокова).

Коммуникативно более сильный язык вытесняет более слабый, однако однозначного взгляда на то, что определяет мощь языка, нет. Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки, например, считают, что «один язык, оказавшись в контакте с другим, более слабым, распространяется вширь и вытесняет его – просто потому, что его носители сильнее в политическом, военном или экономическом отношении. Д. Кристалл пишет о тесной связи между доминированием языка и культурной мощью: язык существует только в сознании, в устах его носителей. Когда они добиваются успеха – успешен и язык» (Вахтин и Головки, 2004, 111–112).

Как признаки коммуникативной мощи языка также выделяют наличие письменности, литературной формы и сформировавшейся системы стилей.

В некоторых случаях коммуникативная мощь может определяться числом носителей, и тогда говорят о мегаязыках, макроязыках, языках со средним числом носителей и языках малочисленных народностей.

Разделение языков на здоровые, больные, исчезающие и мёртвые не является единственным. М. Краусс (Вахтин и Головки, 2004) выделяет другие категории:

- умирающие (*moribund*): перестали выучиваться детьми как родные;
- находящиеся в опасности (*endangered*): если сохраняться существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии;
- находящиеся в безопасности (*safe*): дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем.

Замена одного языка другим возможно только через ступень существования общества в состоянии двуязычия (либо многоязычия). На определённом этапе развития двуязычного общества языковой коллектив вынужден делать окончательный выбор: сохранить свой язык (*language maintenance*) или заменить один на другой (*language shift*). Отказ общности от использования старого языка и переход на новый называется языковым сдвигом (Вахтин и Головкин, 2004). Языковой сдвиг может быть медленным (сотни лет), быстрым (три-четыре поколения) и катастрофическим (одно-два поколения). «Часть лингвистов полагает, что билингвизм обязательно приведёт к деградации одного из языков или ассимиляции одного из них (чаще всего первичного)» (Баргаев, 1972: 86).

В. М. Алпатов отмечает, что «языковые меньшинства всегда проходят один и тот же путь, состоящий из трёх этапов: преобладание национального одноязычия – преобладание двуязычия – преобладание одноязычия на языке большинства; последний этап завершается вымиранием языка. Обратное движение возможно лишь при изменении государственных границ и превращения меньшинства в большинство» (Алпатов, 2000, 203). Однако смена этих этапов может проходить с разной скоростью. «Последний этап перед окончательным исчезновением языков – ситуация языкового гетто, когда на языке говорят в отдельных деревнях, отдельных семьях и пр. <...> хотя жизнь в гетто может длиться десятилетиями и даже дольше» (Алпатов, 2000, 206).

Причины, приводящие языковой коллектив к подобному отказу, весьма разнообразны: от «престижности» до насаждения другого языка насильственным путём, что происходило в конце 1950-х – начале 1960-х во всём мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север СССР), «когда местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, <...> в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык» (Вахтин и Головкин, 2004, 121). R. Fesold считает, что «смена языка происходит лишь тогда, когда сама языковая группа желает отказаться от своей идентичности» (Алпатов, 2000, 203), но В. М. Алпатов полагает, что это не всегда так. Например, евреи в западных странах легко ассимилируются с местным населением в языковом отношении, но сохраняют свою национальную идентичность.

Выбор направления языкового развития зависит от этноязыковой жизнеспособности. Этот подход наметился в середине 1970-х гг. и описывается при помощи трёх независимых социолингвистических переменных: статус (престижность группы и её языка в обществе), демография (число членов группы, рождаемость, браки, иммиграционное и эмиграционное поведение) и институциональная поддержка (СМИ, образование, политика, культурная деятельность) (Вахтин и Головкин, 2004, 125–126).

Базовые концепты в эпосах коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающих на территории Красноярского края

В Красноярском крае проживают восемь этносов, которые принято относить к коренным малочисленным народам: это долганы, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Часто говорят и о девятом этносе – о якутах, 72,5% якутов, проживающих в Красноярском крае, компактно населяют пос. Ессей, расположенный на северо-востоке Эвенкийского МР. Следовательно, речь далее пойдет об особенностях эпосов девяти обозначенных этносов, которые будут рассмотрены в алфавитном порядке.

Долганский эпос сочетает в себе признаки как русского влияния, так и якутского. Так, былины принято исполнять в виде песен, близких якутским олонхо. Русские заимствования прослеживаются, прежде всего, в составе действующих героев. Долганские олонхо и ырыалаак олонхо (с пением) исполнялись сказителями, считавшимися избранниками добрых духов, пользовавшихся особым почитанием. Сюжетика, композиция долганских олонхо близки олонхо якутов, в том числе и ессейских. Герой долганского эпоса защищает людей среднего мира от богатырей абаасы, являющихся обитателями нижнего мира. Напрямую связана с эпосом как литературным жанром и эпическая долганская музыка, представленная индивидуальными песенными характеристиками отдельных персонажей олонхо. Песенные напевы выполняют роль мелодической характеристикой основных персонажей, также они призваны выделить наиболее значимые моменты в действиях героев.

Кетский эпос представлен, прежде всего, космогоническими сказаниями и мифами о происхождении мира и человека, о богатыре Бальнэ, о Альбэ, его борьбе с Хоседэм. Эпические сказания кетов принято разделять на два больших блока: первый – сотворение мира, животных, людей; второй – существование созданного мира в прошлом, настоящем и будущем. У кетов зафиксированы двоякие представления о появлении мира: это либо саморазвитие земли (вода и воздух изначальны), либо появление мира по воле творца. Творцу, положительному персонажу противопоставляется отрицательное начало, этот антагонизм прослеживается и на более мелких уровнях иерархии. Так, верховному персонажу пантеона, богу, олицетворяющему небо, Есю противопоставляют Хоседэм – его жену, изгнанную им самим на землю, хозяйку мира умерших и Севера; подобно этому к положительным персонажам относят мифологического героя Альбэ и легендарного шамана Доху, к отрицательным – Доттет и других. Кетский эпос объясняет появление труднопроходимых речных порогов, кражей действиями эпических героев. Так, с именем Альбэ связывают возникновение Енисея ниже Осиновских порогов и собственно самих порогов, скалистых островов. Олгыт со своей семьей обратился в порог на Подкаменной Тунгуске. Деятельности Хоседэм, спасавшейся от Альбэ, приписывают сотворение непригодных для проживания затопляемых островов вниз от Осиновских порогов.

Устройство мира, согласно мифологическим кетским воззрениям, обладает трехчастной структурой: это земля, обладающая срединным положением, окруженная водой («семью морями»); выше земли – семичастное небо образованное параллельными слоями, кругами или мысами, седьмой слой – небосвод; ниже земли – семь подземелий-пещер, представления о которых довольно расплывчаты. Средний мир населяют кеты (кынден), звери и птицы. Мир подземных обитателей представлен как мир мертвых и вредящих человеку существ. Небо представляется обиталищем переселившихся с земли людей и животных, а также зимовьем для перелетных птиц. Связь между мирами осуществлялась шаманами, некоторые из которых специализировались на связи с нижним миром, другие – с верхним.

Необходимо отметить, что фрагментарное исполнение эпоса (отдельные сюжеты, речи героев) определенными людьми в определенных обстоятельствах, считалось, что способно оказывать магическое воздействие на силы природы, в частности, оказывать помощь в традиционном промысле (установление нужной погоды, заговор добычи на попадание в руки охотников и рыболовов и др.).

Разнообразный *нганасанский фольклор*, прежде всего, представлен музыкально-повествовательными эпическими сказаниями (ситаби) о подвигах богатырей, исполнение которых растягивалось на несколько вечеров. Длинные сказания исполнялись в основном зимой певцами-сказителями, которые, как считалось, наделены магической силой. Следует отметить, что в отличие от сказок, характеризующихся выдуманным сюжетом, считалось, что эпические мифологические предания претендуют на достоверность рассказа, в котором повествуется о создании земли. Согласно нганасанским космогоническим произведениям, мир был создан волей «Матери всего, имеющего глаза» и Сырута-нгуо – бога земли, сын которого, человек-олень, стал первым обитателем земли, первым, кто столкнулся со злым началом, воплощенным в летающем рогатом олене. После появления настоящих людей на земле человек-олень стал их покровителем. В нганасанском эпосе речь идет как о сверхъестественных существах нгуо, баруси, дямады, койка, коча (все они считались порождением матерей: Моу-нэмы (Земля), Коу-нэмы (Солнце), Туй-нэмы (Огонь), Хуа-нэмы (Дерево), Бызы-нэмы (Вода)); так и о подвигах легендарных богатырей, в том числе об их взаимоотношениях с реальными народами – с ненцами, русскими, эвенками, долганами. Эпические сказания нганасанов, как и большинства северных народов, исполняются на разные именные мелодии, характеризующие и отличающие друг от друга главных героев.

Внутри *ненецкого фольклора* наряду с сюжетными рассказами (ярабц), историческими преданиями, лирическими песнями-импровизациями (хынбац), сказками (вадако, лахнаку), загадками принято выделять героические песни (сюдбабц). В силу того, что в ненецком фольклоре невозможно четко разграничить жанры между собой, эпические сказания ярабц и сюдбабц часто объединяют в одну группу, часто именуемую эпическими песнями, поскольку исполняются в песенной форме. Этимология слова «сюдбабц» восходит к «сюдбя» – «великан», то есть сюдбабц, дословно, сказание о великанах. Со временем произошло изменение значения слова «сюдбя», которое стало означать героя-богатыря или его антагониста. Герои сюдбабц, богатыри, помимо исключительных бесстрашия и силы обладают магическими способностями, например, они могут передвигаться по небу на луках. Наиболее распространенные сюжеты сюдбабц – месть за обиду, за убийство родственников либо добывание жены.

Эпос ненцев можно разделить на два больших блока, в основу деления положено время происходящих действий, так, первая группа – это эпос, повествующий о событиях, разворачивавшихся в глубокую старину, следовавших после сотворения мира в сравнительно не очень большом временном промежутке. Здесь же следует отметить, что космогонические мифы о сотворении мира, человека, мира животных и растений не принято было рассказывать посторонним, в силу чего произведений, относящихся к этому блоку, довольно мало. Вторая группа – поздние эпические произведения ва'ал, в которых действуют исторические герои – Ленин, Ваули Ненянг, герои Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Отдельно следует отметить отношение ненцев к сказительству в принципе, так, рассказ в сюдбабц зачастую ведется от третьего лица с временными переходами к первому лицу, но для сюдбабц, как и для всего ненецкого фольклора свойственна персонификация самого изложения, когда действующим лицом наряду с главными героями является одушевленное существо мынеко, иначе – сказ. Традиционно сказителю вторили слушатели, подхватывающие последний долгий слог в строке и варьирующие мелодию сказания, что приводило

к образованию канонической структуры сказания с вкраплениями гетерофонной подголосочности.

Фольклор селькупов представлен историческими преданиями, героическими песнями, сказками и произведениями небольших размеров. Довольно значительный пласт эпических произведений селькупов повествует о войнах, которые они вели с соседними народами – с эвенками, ненцами, татарами, союзниками селькупов в этих столкновениях выступали кеты и ханты. Эпические селькупские произведения (кеельтыма), как правило, поются целиком, хотя в некоторых случаях практикуется разделение сюжета на отдельные мелодические формулы. Взаимодействие селькупской и кетской культур прослеживается не только в сюжетике эпоса селькупов, но также и в исполнительских традициях, поскольку эпические мелодии селькупов сопоставимы с традицией кетского шаманского пения. Особенностью фольклора селькупов является то, что в Томской области многие произведения исполняются на русском языке.

Эпос чулымского этноса сохранился в наименьшей степени, так, в различных источниках говорится, что известны сказания о богатырях, к именам которых принято возводить чулымские фамилии.

Фольклор эвенков включает в себя как песни-импровизации, сказки, бытовые предания, так и эпос, как мифологический, так и исторический. Эпос исполнялся речитативом, зачастую в течение ночи. Исполнение больших по объему сказаний затягивалось не на один вечер. Эвенки очень ценили искусство талантливых сказителей, послушать эпос съезжались даже из довольно удаленных кочевий. По свидетельству одного из сказителей, Е. Г. Трофимова, исполнение нимнгакана обычно начиналось после окончания дневных работ и ужина. Сказителю выделялось почетное место в чуме – малу – и меховой коврик – кумалан. Сказание начиналось с сосредоточенного молчания сказителя в полной тишине, поддерживаемой всеми слушателями: и взрослыми, и детьми. Слова каждого героя исполняются на индивидуальный манер – это касается как мелодии, так и особенностей голоса: повышение или понижение, окрашивание его тем или иным образом. Было принято, чтобы слушатели принимали активное участие в исполнении эпических произведений, повторяя отдельные строки за сказителем. В эвенкийском фольклоре можно выделить субэтнических героев – то есть эпических героев (сонинг), принадлежащим различным группам эвенков. Так, герой илимпийских эвенков – Урэн, эвенков Подкаменной Тунгуски – Хэвэкэ. Г. М. Василевич, исследователь КМНС первой половины XX века, была выделена традиционная структура героических сказаний эвенков, выстроенных в строгой последовательности рассказа: зачин – появление Среднего мира; появление и первый этап жизни главного героя; поход героя, борьба с негативными персонажами; спасение невесты или кого-либо из родственников и возвращение домой. При этом в эпосе речь может идти о жизни не одного главного героя, но нескольких поколений.

Мир, согласно представлениям, изложенным в эвенкийском эпосе, обладает трехчастной структурой: Средний мир, населенный животными, в котором появляются первые эвенки; нижний мир, населенный злыми существами авахи, огенга; верхний мир добрых духов, духов стихий, предков эвенков. Общая трехчастная структура подразделяется, в свою очередь, на семь миров, согласно представлениям эвенков: три небесных мира (Угу буга), Среднюю землю (Дулин буга) и три подземных мира (Хэру буга). Верхний и нижний миры не являются напрочь отделенными от среднего мира, так, вход в верхний осуществляется через Полярную звезду, в нижний – через расщелины, пещеры, водовороты. Эпические сказания эвенков объясняли смену дня и ночи (лосиха Бугады, уносящая солнце на рогах, и охотник Манги, возвращающий солнце), рассказывали о сотворении мира (лягушкой в борьбе со змеей или гагарой, доставшей землю с морского дна). Эпос повествует о происхождении рек и гор, о родстве человека и животных, в частности, человека и медведя. В эвен-

кийском эпосе воспеваются слияние, единство человека с природой. Сказания можно рассматривать как своеобразные энциклопедии аутентичного быта и духовной культуры народа.

Эвенкийский эпос принято подразделять на два типа: западный и восточный, различающийся как содержанием, так и музыкальным строем, манерой исполнения. Основным содержанием восточного типа эпоса является сватовство героя, текст состоит из монологов, заповные слова которых индивидуальны для каждого героя. Эвенкийский эпос восточного типа распространен на Дальнем Востоке, в том числе на Сахалине и представляет собой самобытное явление, несмотря на влияние якутского олонхо. Западный тип эвенкийского эпоса концентрируется, по большей части, на теме межродовых войн, причиной которой зачастую является кровная месть. Исполнение его отличается от восточного меньшей индивидуализацией героев; западный эвенкийский эпос скорее тяготеет к историческим рассказам, в то время как восточный эвенкийский эпос наполнен гиперболизацией, фантастическими преувеличениями.

Об *энецком фольклоре*, состоящем из мифов, исторических преданий, сказок о животных, повествований о шаманах, бытовых рассказов, ученые свидетельствуют, что он находится в стадии угасания. Слабая изученность энецкого фольклора определена в том числе и тем, что записи и публикации фольклорных текстов осуществлены в большинстве своем на русском языке. В энецком фольклоре эпическим нганасанским ситаби и ненецким сюдбабц соответствуют большие эпические рассказы о богатырях – сюдобичу. Ненецкие имена богатырей – героев сюдобичу, равно как и встречающиеся в сюдобичу ненецкие названия родов позволяют исследователям сделать вывод о том, что сам жанр и основные его образцы заимствованы у ненцев относительно недавно. Тематику сюдобичу наряду с космогоническими мифами составляют повествования о голоде, добывании еды, часты сюжеты о героях, переживших эпидемии, от которых умерли все родичи. Также распространены темы борьбы с другими народами и мифы о животных, в частности, о медведе, наиболее почитаемом среди энцев.

Наиболее популярным жанром *якутского фольклора* является богатырский эпос олонхо, считающийся главным родом поэзии у якутов, исполняющийся речитативом сказителями (олонхосут), обладающими божественным даром, перед многочисленными слушателями. Основная тематика олонхо – повествование о богатырях, являющихся первопредками, это жители Среднего мира, принадлежащие могучему племени айыы аймага, происхождение которого связывается с божествами айыы.

Полевое исследование, проведенное в июле 2010 года в пос. Туруханск и Фарково, в котором принимали участие представители коренных малочисленных народов, показало, что фольклор, в том числе и эпос находится по большей части в состоянии угасания или полного исчезновения. Так, опрошенные кеты рассказывали, что основными носителями фольклора, были дедушки и бабушки, которые свободно владели кетским и не очень хорошо понимали русский. Как кеты, так и селькупы отметили в качестве одного из основных жанров традиционного фольклора, наиболее долго сохранявшегося, импровизационного характера песни. То есть песнопевец одновременно был и автором исполняемого произведения, пел он о том, что видит, например, о том, как чайник закипает в печи, или о том, что происходит за окном, как меняется погода. В настоящее время национальная культура мало кого интересует более, чем на словах, этноцентризм фактически отсутствует. Местное население говорит, что сказки, предания, легенды были, их рассказывали представители старшего поколения, но вспомнить хоть одно не смогли.

О тенденции к угасанию свидетельствовали еще исследователи, работавшие во второй половине XX века, так, ими было отмечено, что тексты, которые удалось записать, были исполнены, в подавляющем большинстве своем, представителями старшего поколения, не нашедшими преемников для передачи своего искусства. Более того, носители эпоса

не могла находить не только продолжателей сказительской традиции, но даже и слушателей собственного исполнительства, следствием чего стало редкое исполнение ими самими произведений, что привело к безвозвратной утрате части текстов, к фрагментарности записей, пересказу сюжета, неустойчивости в использовании эпических формул, оговоркам, вводу слов современной речи и др.

Бегло обратив внимание на эпосы различных этносов, населяющих Красноярский край и относящихся к коренным малочисленным народам, можно в качестве примера обратиться к произведению «Храбрый Содани-богатырь», принадлежащему эвенкийской традиции. Данное произведение было зафиксировано путем самозаписи крупнейшим рапсодом Николаем Гермогеновичем Трофимовым (1915—1971). При фиксации сказитель не использовал знаки препинания, слова записывались сплошным текстом, не подразделяясь на отдельные стихотворные строки, Н. Г. Трофимов употреблял на письме якутские гласные и дифтонги, отсутствующие в эвенкийском алфавите. В дальнейшем учеными сплошная запись была поделена на отдельные строки, для чего использовалась аудиозапись исполнения этим же сказителем другого эпоса, чтобы по аналогии можно было провести расчленение. Помимо этого, текст был полностью перетранскрибирован в рамках современного эвенкийского письма без отступления от диалектных форм оригинала. Перевод «Храбрый Содани-богатырь» на русский язык осуществлен в соответствии с нормами русского языка, следствием чего стало введение в необходимых случаях слов для связи, например, сложноподчиненных предложений. При этом дополнительные слова помещались в квадратные скобки. Отличия синтаксического строя русского и эвенкийского языков не позволили полностью сохранить последовательность стихов при переводе, но допущенные перестановки строк не нарушили общего их числа. Следовательно, все вышесказанное позволяет с уверенностью предположить, что контент-анализ текста «Храбрый Содани-богатырь», представленного на русском языке, претендует на верифицируемость.

Эвенкийский эпос «Храбрый Содани-богатырь» включает в себя 2632 стихотворных строки, общее число слов в тексте – порядка 10 000 (9 982), значительную часть общего количества слов составляют служебные слова (предлоги, союзы и др.). При проведении подсчетов оказалось, что наиболее часто встречающимися словами помимо слов, напрямую относящихся к главным героям эпоса (эвенк, аи, брат, сестра, богатырь, мата), явились следующие слова: дикий (61), красивый (49), кровь (42). Если обратиться к словам, относящимся тем или иным образом к растительному миру, то наиболее часто распространены следующие: деревья (25), травы (13), тальник (12), лиственница (9). Слова, наиболее часто встречающиеся, имеющие отношение к животному миру: лось (6), рысь (5), медведь (4), лиса (4). Но наибольшей популярностью пользуется в рассматриваемом тексте слово олень. Причем, он может называться как напрямую (105), так и непосредственное отношение к нему имеют слова рога (52) и хоркать (3), таким образом, в совокупности употребление слова олень доходит до 160 раз. Этот факт дает возможность сделать вывод о значимости, которой эвенки наделяли оленя. Именно слово «олень» можно выделить в качестве концепта для дальнейшего исследования эвенкийского эпоса на примере произведения «Храбрый Содани-богатырь». Для этого планируется, во-первых, вычленить характеристики оленя, наличествующие в этом тексте; во-вторых, сравнить данное слово, выделенное в качестве концепта, по его характеристикам с какими-либо другими словами, обозначив основание для сравнения; в-третьих, для исследования выбранного концепта можно провести контент-анализ другого образца эвенкийского эпоса, зафиксированного также с помощью самозаписи тем же самым сказителем – Н. Г. Трофимовым. Имеется в виду эпический текст «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде».

Таким образом, подводя некоторый итог краткого рассмотрения эпосов коренных малочисленных народов Красноярского края, можно отметить, что наряду с самобытностью

каждого из них, всем им присущи общие черты. Так, к ним относятся, например, соучастие сказителя и слушателей в процессе повествования, почитание сказителя как обладателя божественного дара. Не просто повествование рапсодом событий, но интонационное окрашивание различных действий, разных героев, индивидуализация эпических персонажей. Эпосы различных этносов обладают схожей структурой: зачин-вступление (описание времени, местности, главных героев); завязка (несчастье, желание странствий, сватовство); кульминация (борьба с противниками, в роли которых могут выступать родственники будущей жены); развитие действия (женитьба, возвращение на родину богатыря). Помимо сюжетной структуры эпосам свойственны и общие мотивы, такие как изменяющий внешность гнев героя, заговаривание героем стрел для победы над соперником и др. Эпос представляется как некоторая энциклопедия аутентичного быта и духовной культуры народа, так, например, во многих эпосах рассказывается о структуре мира (как правило, трехчастной), об особенностях жилища, традиций того или иного народа.

Методические рекомендации

При определении границ языкового коллектива следует учитывать не только территориальные, политические и собственно лингвистические факторы, но и самосознание носителей языка.

Аналогичным образом нужно поступать и при разграничении языка и диалекта, хотя в этих аспектах, несмотря на некоторые совпадения, лингвисты так и не пришли к единому мнению до сих пор.

Причины изменения языка могут быть как внутренними (чисто лингвистическими), так и внешними (связанными с влиянием на язык различных факторов, в том числе социальных, и языковыми контактами). Прогрессивные изменения обуславливают нормальное полноценное существование языка, тогда как регрессивные могут в конечном итоге привести к его «смерти».

Вымирание языков происходит в связи с вытеснением языка другим, более коммуникативно мощным, престижным, поддерживаемым государством и т. п. в ситуации многоязычия.

Наличие наряду с самобытностью каждого отдельно взятого эпоса коренного малочисленного народа некоторых общих черт может свидетельствовать о взаимном влиянии языков коренных малочисленных народов друг на друга, причем, изучение эпосов позволяет проследить процесс этого влияния.

Сравнительное изучение эпосов как своеобразных оттисков актуального состояния языка позволяет наглядно проследить особенности социокультурной динамики языков малочисленных народов, особенности их взаимоотношений друг с другом, характер взаимовлияний. Результаты подобных исследований могут быть экстраполированы и на динамику более широко распространенных языков.

История создания эвенкийского письменного языка, словарей, учебников, учебных пособий

Создание эвенкийского письменного языка – явление в целом ряду сходных процессов, инициированных в СССР в связи с проведением решений государственной языковой политики и имеющих историю в как минимум два периода. И если с 1990-х годов работа по созданию письменности языков коренных народов направлена в первую очередь на сохранение ранее утраченного языкового звена, то во время создания эвенкийской письменности, в первой половине XX века, перед учеными стояла другая задача – задача расширения функционирования коренных языков. Современные исследования, посвященные языковой политике, сосредотачиваются на том, какие функции языка поддерживают те или иные решения. Западные исследователи отмечают такую функцию создания языков, именно конструирования их и внедрения в повседневность представителей народов, как нациестроительство². Языковым строительством как основой культурной революции данный процесс был назван еще советскими исследователями³. Один из ведущих социолингвистов России Владимир Михайлович Алпатов утверждает, что языковая политика тесно связана с учетом и удовлетворением коренных потребностей, удовлетворяемых в речи. По его мнению, в своем ядерном значении язык служит для удовлетворения сразу двух ключевых потребностей людей, реализующихся в их речи: потребности взаимопонимания – достижения полноценного контакта с другими, и потребности идентичности – определением себя в контакте с другими. При этом «обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе»⁴. Поскольку единство языковой среды не только в государствах, но и в компактных территориях является сегодня скорее исключением из правил, то первая потребность – достижение взаимопонимания, наиболее часто выражается в такой разнородной среде в стремлении к двуязычию, при этом потребность идентичности ярко выражается стремлением говорить на родном (материнском) языке, одноязычием. Стратегий общения носителей разных материнских языков выделяют шесть, основных из них три: выработка общего контактного языка (пиджина), общение на третьем языке и общение на материнском языке одного из собеседников. При этом стратегии в разной мере работают на удовлетворение ключевых потребностей. Так, общение на пиджине удовлетворяет потребность идентичности, а потребность взаимопонимания лишь частично, общение на третьем языке удовлетворяет лишь потребность взаимопонимания, игнорируя потребность идентичности, а при общении на материнском языке одного из собеседников возникает несимметричность, поскольку удовлетворяется потребность идентичности только одного из собеседников. При второй стратегии сами собеседники равны, но общий для них язык более влиятелен, чем материнские языки собеседников, в большинстве таких случаев речь можно вести о государственных языках по отношению к языкам малых народов: «В колониях это язык колонизаторов, в бывших колониях обычно язык бывших колонизаторов, внутри многоязычных государств чаще всего господствующий

² Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* – Cornell University Press, 2005, Burbank J., von Hagen M., Remnev A. *Russian empire: space, people, power, 1700—1930.* – Indiana University Press. – 2007; Мартин Т., Суни Р. Г. *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина.* – М., 2011 – 376 с.

³ Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // *Вопросы истории*, №2, Февраль. – 1966. – С. 3—20.

⁴ Алпатов В. М. *150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства.* – М., 2000. – С. 12.

(государственный) язык»⁵. При переходе к индустриальному обществу внутри государства неизбежно главной становится потребность взаимопонимания. Средством удовлетворения потребности взаимопонимания, становящейся центральной в условиях объединения государством территорий разных этносов и переходе к индустриальному обществу, выступает единый государственный язык.

Также В. М. Алпатов выделяет возникающую в многонациональных государствах языковую иерархию, представляя ее в виде перевернутой трехуровневой пирамиды. Верхний ее слой – одноязычные носители государственного языка (например, русскоязычные в СССР и современной России, средний слой – двуязычные граждане, нижний – одноязычные носители языков меньшинств (или двуязычные, не владеющие государственным языком). Исследователь отмечает, что данная иерархия сходна с социальной в одном: «нижний слой языковой иерархии имеет и низкий социальный статус. Это либо те, кто заняты в сельском или домашнем хозяйстве, либо неассимилированные иммигранты»⁶.

Как отмечает российский лингвист В. М. Алпатов, доминирующей в истории государственной языковой политики является удовлетворение именно потребности взаимопонимания и игнорирования потребности идентичности, что поддерживается путем утверждения и распространения государственного языка⁷. Утверждение государственного языка включает в себя два процесса: распространение языка через административные меры и школу (а сегодня и через СМИ) и кодификация языка, создание общих для всего государства языковых норм. Масштабным примером такой языковой политики ученый называет политику власти в СССР в 1920—1930-е годы, в начале которой центральной была идея о равенстве языков. В первые годы после революции данная политика проводилась Народным комиссариатом национальностей во главе с И. В. Сталиным. В статье «Языковая политика в современном мире: „одноязычная“ и „двуязычная“ практики и проблема языковой ассимиляции» В. М. Алпатов приводит слова И. В. Сталина, написанные им в 1918 году: «Никакого обязательного „государственного“ языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях». А также ссылается на доклад «Национальные моменты в партийном и советском строительстве» 1923 года, в котором содержится призыв добровольно отказаться от русского языка русским коммунистам, работающим в национальных районах⁸. Такая политика выступила реакцией на царскую политику языковой ассимиляции, следствием ее стали попытки перевода делопроизводства на языки меньшинств и распространение национальных школ. Единственным фактором, создававшим трудности для проведения данной политики, исследователи называют недостаточное развитие многих языков, зачастую не имевших не только кодификации, т.е. признания норм языка за счет фиксации в словарях, грамматиках, правилах, но и письменности. В. М. Алпатов отмечает, что именно это положило начало языкового строительства – активной деятельности по созданию языков, а именно – по формированию письменности и лингвистической кодификации. В это время крупнейшие советские лингвисты создают более 70 новых алфавитов, основой для которых выступила латиница. Данная работа орга-

⁵ Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика, 2013. – 4 (2 (12)). – С. 13.

⁶ Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика, 2013. – 4 (2 (12)). – С. 16.

⁷ Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. – 224 с.

⁸ Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика, 2013. – 4 (2 (12)). – С. 11—22.

нически влилась в общую политику ликвидации безграмотности, способствующую росту образования, теперь и на национальных языках. Как отмечает западный советолог Саймон Крисп, даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения⁹. В то же время данная политика, выступив противоположностью прежней, отставила в сторону вопрос потребности взаимопонимания, которая наряду с потребностью идентичности представляет собой ядро потребностей, обеспечиваемых языком. Именно поэтому успех ее исследователи называют частичным, признавая, что потребность взаимопонимания в этих условиях реализовывалась стихийно. Евгений Дмитриевич Поливанов, известный лингвист того времени, отмечал раздвоенность языковой ситуации в жизни студентов из национальных республик, говорящей о строгом определении зон «влияния» родного и государственного языка. Обучение проходило на русском языке, а национальным языком молодежь пользовалась только на бытовом уровне, а потому больше не стремилась читать, например, классическую литературу в переводе на национальные языки¹⁰. Таким образом, материнский язык вытеснялся в сферу бытового общения, теряя все другие функции, возможности применения. В то же время В. М. Алпатов отмечает и эффективность по отношению к крупным языкам проводимой тогда политики, приводя пример языка национальной республики. Если в начале 1920-х годов, по замечаниям Е. Д. Поливанова, идентичность оседлых узбеков строилась лишь на факте места рождения и общей религии, при этом грамотные люди писали и читали на старо-тюркском, арабском или русском¹¹, то к 1980-м годам каждый узбек осознавал и называл себя узбеком, в чем сыграла свою роль и языковая политика, и большинство представителей народа владели грамотой на узбекском языке.

Исследователи отмечают поворот языковой политики СССР второй половины 1930-х годов, когда был выбран путь, противоположный переводу множества функций языка языкам национальных меньшинств. В. М. Алпатов называет это «курсом на ускоренную русификацию». В это время латинские алфавиты малых языков народов Советского Союза, разработанные буквально в предыдущем десятилетии, были заменены алфавитами на кириллице. А ряд языков даже лишился своей письменности, чего не произошло с эвенкийским языком. Пиковой точки, по мнению исследователей, политика русификации достигла в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда утвердилась идея преодоления различий, в результате чего отмечается практическое отсутствие образования на языках национальных меньшинств. Исключение составили языки союзных республик, но языки коренных народов Севера и Сибири, к которым принадлежит эвенкийский, в это время потеряли функционирование в образовании и снова стали вытесняться лишь в бытовую сферу, уступая доминирующему государственному языку.

Таким образом, в формировании эвенкийской письменности стоит выделить два этапа: послереволюционный (1920-е—1930-е годы) и период со второй половины 1930-х годов.

⁹ Crisp S. Soviet Language Planning. 1917—1953 // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989. P. 36.

¹⁰ Поливанов Е. Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 114.

¹¹ Поливанов Е. Д. Проблема латинского алфавита в турецких письменностях. – М., 1923. – С. 9.

Послереволюционный период языковой политики в СССР

Цель политики Советской России определяется как общедоступность всех сфер жизни при использовании материнского языка: «чтобы каждый независимо от национальной принадлежности мог пользоваться во всех сферах жизни материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры»¹². В этот период страна стала первой в мире, обеспечивающей права языков национальных меньшинств. Таким образом, основным ориентиром после революции в языковой политике стало равенство языков всех народностей государства, и письменность создавалась как средство вывода так называемых малых языков на новый уровень функционирования. Государство в противопоставление ситуации в царской России позиционируется как принципиально разноречное, поддерживающее развитие и использование материнских языков своих граждан.

Наркомат по делам национальностей, созданный в первом советском правительстве, просуществовал до 1923 года, были приложены все усилия по расширению функций языков разных национальностей. Так, в феврале 1918 года была введена норма использования всех местных языков в судах, а в октябре 1918 года вышло постановление «О школах национальных меньшинств» и было положено начало централизованному изданию литературы на языках коренных народов. X съезд партии в 1921 году принял резолюцию о национальной политике, определившую задачу перевода на языки меньшинств администрации, суда, театра и т.д.¹³. Эта политика не имела прямого сопротивления, тем не менее, существовали факторы, тормозящие ее проведение в жизнь, один из них был ясно осознаваемым – недостаточная развитость некоторых языков (отсутствие письменности и кодификации – установленных норм), на преодоление этой проблемы и была нацелена основная деятельность ученых. К работе по созданию алфавитов, записи звучания языков, составлению грамматик и словарей были привлечены крупные лингвисты: Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев и другие; формировалось новое поколение лингвистов-исследователей. Была инициирована работа по созданию алфавитов для языков, не имевших письменности и имевших письменность, не соответствующую политической ситуации (арабский, старомонгольский алфавиты).

Основой для создания алфавитов в этот период стала латиница, предпочтение было отдано ей как наиболее распространенной в мире, а также, как утверждают исследователи, не имеющей устойчивой ассоциации с царским временем, как кириллица. По этой причине отмежевания новой страны от опыта царской власти в 1929—1930 годы группой ученых во главе с Н. Ф. Яковлевым также был предложен проект латинизации русского языка, который, тем не менее, не был одобрен руководством партии. Работа этого времени была предельно плодотворной: к середине 1930-х годов благодаря усилиям ученых письменность получили более чем 70 языков национальных меньшинств, как тогда называли коренные народы территорий.

Работы по созданию новых алфавитов народов Советской России велись при предельном учете специалистами своеобразия звукового состава языков, но в то же время с соблюдением необходимого единства алфавитов народов. Одной из задач стало приближение письменного языка к статусу литературного. С целью сохранения языковой специфики клас-

¹² Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11—24.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. – М., 1954. – С. 559.

сический латинский алфавит разработчики дополнили 200 специальными знаками, фиксировавшими специфические звуки, например, кавказских и тюркских языков¹⁴.

В результате работ по исследованию эвенкийского языка у него также появляется латинизированная письменность. Первое описание звукового строя эвенкийского языка создал российско-финский филолог Матиас Александр Кастрен еще в середине XIX века (труд опубликован академиком А. Шефнером в 1840 году), строилось оно на изучении двух диалектов забайкальских эвенков. Также известны два дореволюционных издания на, как в них указано, тунгусском языке: «Тунгусский букварь» и «Краткий словарь», составленные протоиереем походной Николаевской церкви Стефаном Поповым. Книги представляют собой миссионерское учебное издание, включают церковные складки и основные молитвы на русском и эвенкийском языках, были изданы в 1858 году Московской Синодальной типографией и отправлены в Якутск¹⁵. Как отмечает лингвист Тамара Егоровна Андреева, несмотря на имеющиеся записи звукового строя, началом систематического изучения эвенкийского языка можно назвать лишь советский период¹⁶. Целый ряд мощных ученых проводил эту работу, среди них Г. М. Василевич, Ю. Д. Дешериев, В.А., В. И. Цинциус, Горцевская, О. А. Константинова, А. В. Романова, А. Н. Мыреева¹⁷.

Центральной задачей стала разработка письменности и алфавита¹⁸. В 1930 году в Ленинграде для подготовки кадров для районов Крайнего Севера создан Институт народов Севера имени П. Г. Смидовича (ИНС), а при нем открыта Научно-исследовательская ассоциация. Известно, что уже к концу 1930 года Научно-исследовательская ассоциация ИНС, состоявшая из преподавателей – высококлассных этнографов и лингвистов, а также студентов Института и работавшая над формированием алфавита бесписьменных языков, представила проект единого северного алфавита на основе латинского написания в активно действующем тогда Всесоюзном Центральном Комитете национальных алфавитов (ВЦКНА)¹⁹. По итогам рассмотрений ВЦКНА и внесения правок проект единого северного алфавита был утвержден 23 февраля 1931 года²⁰. Опубликованный в 1930 году «Проект алфавита эвенкийского (тунгусского) языка» был разработан сибиреведом (лингвистом и этнографом) и специалистом по тунгусо-маньчжурским языкам Я. П. Алькором (Кошкиным). Кроме вопросов по классификации тунгусо-маньчжурских языков и сведениях об имеющихся материалах в текст проекта также входил крупный раздел, посвященный характеристике звукового состава языка эвенков. А приложение содержало также впервые изданные два ори-

¹⁴ Волошина О. А. Создание алфавитов для бесписьменных народов. Электронная публикация. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43589.php>

¹⁵ Тунгусский букварь / (Стефан Попов). – М., 1858. – 14 с., Артемьева Е. Б. Библиотеки и общественные организации Православной церкви в Сибири (XVIII—XIX вв.): просвещение светом Христианского учения // Макушинские чтения. – Новосибирск, 2015. – №10. – С. 106—115.

¹⁶ Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1988. – 142 с.

¹⁷ Горцевская В. А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1959. – 78 с., Константинова О. А. Эвенкийский язык. – М., Л., 1964. – 272 с., Константинова О. А. Эвенкийский язык // Языки народов СССР – Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. – Л., 1968. – С. 68., Дерешиев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. – М., 1958. – 263 с., Романова А. В., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР. Вып. III. – Л., 1968. – 215 с., Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1949. – 344 с., Цинциус В. И., Горцевская В. А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1959. Т. 169. – С. 5—47.

¹⁸ Алькор (Кошкин) Я. П. Проект алфавита эвенкийского (тунгусского) языка // Материалы по изучению Якутской Автономной Социалистической республики. – Л., 1930. – Вып. 33. – 14 с., Алькор (Кошкин) Я. П. Вопросы создания и развития национально-литературных языков и письменностей народов Севера // Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. – М., Л., 1932. – С. 39—64., Алькор (Кошкин) Я. П. Новая письменность народов Севера // Алфавит Октября, 1934. – С. 81—89.

¹⁹ Тайга и тундра: издание краеведческого кружка Института народов Севера. – Л., 1932. – №4. – С. 52.

²⁰ Просвещение на Советском Крайнем Севере. – Л., 1957. – С. 81.

гинальных эвенкийских текста с переводом на русский, записанных автором в 1926 году от одних из первых эвенков-студентов в Ленинграде. Более поздний латинизированный эвенкийский алфавит был разработан на базе сформированного к 1931 году общесеверного алфавита, составленного в соответствии с созданным и принятым «Новым тюркским алфавитом» (НТА). По утверждению исследователей, принятый алфавит от первого проекта отличался исключительно передачей русскими буквами фонем «ч» и «ш». В создании этого первого официально принятого алфавита эвенкийского языка значительная роль принадлежит этнографу и лингвисту Глафире Макарьевне Василевич.

Создаваемый в это время литературный, а значит единый, эвенкийский язык основывался на непском говоре южного диалекта, который в то время был изучен лучше других. Хотя говором на тот момент было известно достаточно много, такое разнообразие внутри языка одного народа объяснялось учеными несколькими причинами: неоднократными передвижениями и широким расселением, а также контактами с разноязычными соседними народами²¹. Интересно, что проекты по смене базового диалекта литературного языка появлялись и позднее, это обусловлено сохраняющимся разнообразием эвенкийского в разных территориях расселения народа. Российский лингвист Александр Михайлович Певнов, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, в интервью группе ученых Сибирского федерального университета рассказал о его предложении ввести два варианта эвенкийского литературного языка, чтобы в основе их лежали два наиболее распространенных диалекта – западный и восточный, тем не менее, данный проект не был поддержан в 1970-е годы.

Первые учебники на эвенкийском языке для начальной школы были составлены в 1929 и 1930 годах. В этот же период на эвенкийский язык переведены для чтения некоторые произведения русской классической и детской литературы. Продолжается и изучение звукового строя различных диалектов эвенкийского языка. В результате в 1934 году опубликован эвенкийско-русский диалектологический словарь Г. М. Василевич, во введении к которому автор дает характеристику енисейских говоров²².

Эвенкийский язык также стал первым языком коренных народов, который начали преподавать у студентов из северных округов. Согласно материалам государственных архивов, преподавание национальных языков в 1925—1926 году введено по инициативе крупнейших этнографов-североведов ЛЯ. Штернберга и В. Г. Богораза-Тана. Обучали им студентов северного факультета Ленинградского института востоковедения²³, и к 1930 году на факультете стали обучать и другим северным языкам, помимо эвенкийского. Создание учебной литературы в помощь изучающим языки было поручено специалистам – этнографам и лингвистам, а также учителям. В частности известный этнограф и лингвист Г. М. Василевич активно занимается написанием учебников по эвенкийскому языку и уже в 1928 году выпускает первое пособие для изучения эвенкийского языка – 30-страничный букварь «Памятка тунгусам-отпускникам»²⁴.

Научно-исследовательская ассоциация, созданная при Институте народов Севера в 1930 году, стала основным органом, ведущим работы по полевому изучению языков народов, составлению и коррекции письменности, появлению кодификации как установленных норм и созданию учебных изданий. К этому времени опыт полевых исследований коренных языков северных народов имелся у преподавателей и студентов географического факультета

²¹ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958. – С. 643.

²² Василевич Г. М. Эвенкийско-русский (тунгусо-русский) диалектологический словарь. – М., 1934. – С. 6—22.

²³ Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории, №2, Февраль. – 1966. – С. 3—20.

²⁴ Ермолова Н. В. Тунгусовед Г. М. Василевич // Репрессированные этнографы. Вып.2. – М., 2003. – С. 10—46.

Ленинградского университета, которые и до 1930 года регулярно отправлялись в северные районы с целью изучения языка, работая на местах учителями и секретарями сельсоветов²⁵. Известно, например, что Г. М. Василевич летом 1925 года, только окончившая этнографический факультет Географического института, также была направлена Ленинградским отделением Комитета Севера в командировку с целью исследовательских работ по этнографии и лингвистике, как тогда именовали, тунгусского населения Сибири – эвенков²⁶. До этого, еще в статусе студентки, Г. М. Василевич также принимала участие в экспедициях: на Печору в 1923 году и в Вятскую губернию в 1924 году.

В 1932 году вопросы создания литературных языков северных народов были вынесены из стен кабинетов исследователей и комитетов на широкое обсуждение. В январе состоялась I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера при участии делегатов Наркомпроса РСФСР, Комитета Севера, ВЦКНА, Академии наук СССР, ЦК ВЛКСМ, студентов ИНС, представителей местных отделов народного образования, в том числе Эвенкийского. Именно на ней был окончательно утвержден единый северный алфавит, ставший основой для алфавитов языков народов Севера, принят проект создания литературных языков 14 из народов, в том числе эвенкийского, а также обсуждены программы для национальных школ. По итогам в мае 1932 года организован специальный Комитет нового алфавита народов Севера, а позднее также открыты комитеты на местах – в округах и районах²⁷. В результате принятых решений активизируется издательская деятельность: до 1936 года на латинизированном эвенкийском алфавите издается научная, художественная и переводная литература, в том числе в 1936 году выходит первый эвенкийско-русский словарь.

Именно в этот период в центре внимания руководства страны оказывается издательство книг на национальных языках, и это касается не только учебных комплектов. В 1930 году треть (по названиям) изданий, выходивших в СССР, составляла литература на национальных языках, тогда как в столь же многонациональной царской России в 1913 году 90% изданий были русскоязычными²⁸. Работа по издательству печатной продукции на языках народов СССР до 1924 года выполнялась Западным и Восточным издательствами Наркомата по делам национальностей (г. Москва), на базе которых в 1924 году было основано Центральное издательство народов СССР²⁹. В 1930 году к этой работе присоединяется созданное Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз). Известно, что в 1935—1936 годах в «Учпедгизе» вышло 525 книг на национальных языках, в последующие годы такие издания составляли треть всех выходящих в свет в издательстве³⁰. В то же время Ленинград занимает лидирующие позиции по работе над национальными языками, в том числе именно в Ленинградском Институте народов Севера с 1930-х годов начинают подготовку литераторов. А с появлением письменности языков народов Севера в Ленинграде начинает зарождаться национальная литература – издаются первые литературные произведения³¹.

²⁵ Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории, №2, Февраль. – 1966. – С. 3—20.

²⁶ Ермолова Н. В. Тунгусовед Г. М. Василевич // Репрессированные этнографы. Вып.2. – М., 2003. – С. 11.

²⁷ Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории, №2, Февраль. – 1966. – С. 3—20.

²⁸ Большая советская энциклопедия. – Т. 24 II. – С. 142—143.

²⁹ Большая советская энциклопедия. – Т. 24 II. – С. 145.

³⁰ Жабко Ш. С. Современное состояние национальной книжности в России // «На волоске судьба твоя...». История и современное состояние литературы на языках малочисленных народов. Тезисы докладов II Международной научно-практической конференции Отдела национальной литературы РНБ. 13—14 ноября 2015 года. – СПб., 2015. – С. 20—23.

³¹ Жабко Ш. С. Первые книги коренных народов Арктики // Культура и искусство Арктики, 2015. – №1 (1). – С. 80—83.

Второй период – со второй половины 1930-х годов

Цель политики СССР со второй половины 1930-х годов – объединение государства за счет языкового единства, введение общегосударственного русского языка. Основным ориентиром деятельности государства и групп ученых в этот период становится выведение языков национальных меньшинств на уровень возможности получения не только образования, но и освоения русского языка, т.е. продвижение государственного языка, идеи единого языка государства. План перевода письменности народов СССР на кириллический алфавит был выдвинут в 1936 году³².

Первым сигналом об изменении курса языковой политики, по мнению исследователей, стал запрет латинизации русского языка И. В. Сталиным в 1930 году³³.

Вопрос о письменности народов Севера обсуждается в отчете Восточно-Сибирского обкома ВКП (б) о работе за 1936 год перед ЦК партии как проблемный: «единый северный алфавит (ЕСА), выработанный Ленинградским институтом народов Севера на основе латинизированного алфавита для всех 26 народностей Советского Севера, и единый литературный язык (эвенкийский) – плод явно формалистического творчества»³⁴. Также отчет указывал на то, что эвенки не могут пользоваться печатными изданиями на латинице из-за их «искусственного словотворчества». А также что народ расселен на крупной территории, и хотя его представители его говорят на различных диалектах, но при этом почти во всех районах владеют русским языком. Введение кириллической графики для письменности эвенкийского языка обосновывается в отчете как целесообразное решение, облегчающее северянам овладение как родной, так и русской письменностью. В результате постановлением Совета Национальностей ЦИК СССР от 11 февраля 1937 года письменность народов Севера была переведена на кириллицу. Подобные замечания к разработанным на латинице алфавитам не были редкостью, эта же проблема была зафиксирована и в ходе Лингвистической конференции, прошедшей в г. Улан-Удэ в июле 1936 года с участием писателей, журналистов и учителей³⁵. Таким образом, со времени выхода постановления Совета Национальностей ЦИК практически все созданные латинские алфавиты подлежали замене на кириллические, соответствующая работа велась вплоть до 1941 года, когда переход на кириллицу в основном был завершён, оставив в послевоенное время латинский алфавит лишь в языках Прибалтики. Также перевод на кириллицу не коснулся армянского и грузинского алфавитов³⁶. Решение о необходимости всеобщего владения русским языком также активно проводилось в жизнь, значимая роль в этом процессе отведена постановлению ЦК партии и Совета Народных Комиссаров (правительства) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», принятому в 1938 году. Результатом исполнения постановления стало также закрытие значительного количества школ, ведущих обучение на материнских языках коренных народов³⁷. А также то, что с переходом на кириллицу,

³² Волошина О. А. Создание алфавитов для бесписьменных народов. Электронная публикация. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43589.php>

³³ Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11–24.

³⁴ Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории, №2, Февраль. – 1966. – С. 3–20.

³⁵ Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство бурятской партийной организации культурной революцией в республике. – Улан-Удэ, 1962. – С. 175.

³⁶ Волошина О. А. Создание алфавитов для бесписьменных народов. Электронная публикация. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43589.php>

³⁷ Горцевский А. А. Некоторые вопросы фонетики эвенкийского языка в связи с обучением эвенков русскому языку // Советский Север. – Л., 1938. – №1., Дешериев Ю. Г. Развитие младописьменных языков народов СССР. – М., 1958. – 263 с.

по утверждению В. М. Алпатова, не менее 12 народов потеряли письменность на своем языке, введенную совсем недавно. В 1939 году вышло особое постановление об обязательном обучении русскому языку солдат армии, не владеющих русским.

Эвенкийский язык, как и все, письменность которых была разработана в предыдущий период, в 1936—1937 годах переведен на кириллицу. Новые учебники и книги для чтения издаются в этом варианте языка, а в конце 1930-х годов изданы первые произведения оригинальной эвенкийской литературы (малые лирические формы, автобиографические рассказы). При этом литературный эвенкийский язык ждало еще одно коренное изменение: в результате перевода кочевого населения Севера в оседлое к концу 1940-х годов наблюдалось значительное сокращение носителей непского говора среи эвенков, а также нарушение компактности их проживания, в связи с чем Совещанием по языкам народов Севера в 1952 году было принято решение о смене базового диалекта литературного эвенкийского языка. Основой нового литературного языка стал полигусовский (подкаменно-тунгусский) говор южного диалекта (Константинова О. А. Эвенкийский язык // Языки народов СССР. – Т. V. Монгольский, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. – Л., 1968. – С. 68.). В интервью группе ученых Сибирского федерального университета Надежда Яковлевна Булатова, ведущий сотрудник ИЛИ РАН, указывает на то, что на смену диалектной основы языка повлиял процесс формирования титульной территории эвенкийского этноса – Эвенкийского автономного округа, после чего и был выбран в качестве ориентира диалект района Подкаменной Тунгуски. При этом специалисты утверждают, что непский и полигусовский говоры не имеют значительных различий – оба входят в состав южной группы диалектов. Тем не менее, даже незначительные изменения требуют появления новой образовательной литературы, с этой целью, по словам Н. Я. Булатовой, был принят ряд решений Орфографической комиссии, и в 1950-е годы отмечается новый всплеск изданий, ориентированных на новую языковую норму.

Деятельность Г. М. Василевич и ее историческое значение

Вклад ленинградского этнографа и лингвиста Глафиры Макарьевны Василевич (1895—1971 гг.) в создание и развитие эвенкийского языка и обучения на нем переоценить трудно. Именно ей была проделана работа по формированию литературного эвенкийского языка, который мог бы выступить принятым и осваиваемым носителями разных его диалектов, при масштабном описании этого диалектного богатства языка. Ей же принадлежат первые печатные издания на эвенкийском — книги для чтения, учебные пособия, а также вспомогательные материалы и системные труды по эвенкийскому языку — методические издания для учителей, контрпереводы учебных пособий на русский, словари. Многогранность исследовательского таланта Г. М. Василевич поражает, ведь лингвистические исследования велись ей в теснейшей связи с этнографическим изучением культуры эвенков (ей опубликованы научные труды о культуре народа, собраны масштабные этнографические коллекции, переданные в Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера)), сегодня можно назвать это исключительно комплексным подходом. В то же время Г. М. Василевич известна как выдающийся педагог, и выступила учителем и научным руководителем целого ряда ученых, продолживших эту работу в более поздние годы.

Глафира Макарьевна Василевич — ученый с непростой судьбой. Она пережила первый год блокады в осажденном Ленинграде, была награждена двумя правительственными наградами — медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», которых лишилась, когда по необоснованным обвинениям была арестована и приговорена к лишению свободы на 10 лет. В исправительно-трудовых лагерях Василевич пребывала с 1952 по 1955 год, и в 1990 году была официально названа среди безвинно репрессированных ученых, когда журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал около 400 имен пострадавших от репрессий востоковедов. При этом заключение не сломило ученого, и после лагерей Г. М. Василевич вернулась к исследовательской, в том числе экспедиционной, работе, которую вела практически до самой кончины в 1971 году в возрасте 76 лет. Результаты ее работы были справедливо оценены научным сообществом современников еще при жизни: в 1935 году по итогам работ Г. М. Василевич без защиты диссертации присуждена ученая степень кандидата лингвистических наук (по эвенкийскому языку), а в 1969 году по совокупности выполненных и опубликованных работ (сыграл роль и выход монографии «Эвенки») ей присвоена ученая степень доктора исторических наук³⁸.

Свою специализацию — посвящение всей своей деятельности изучению эвенков и всех граней культуры этого народа, она избрала практически в самом начале профессионального пути. Поступив на этнографический факультет Географического института, открытый в 1921 году по инициативе и под руководством крупнейшего этнографа Л. Я. Штернберга, и окончив его в 1925 году, Г. М. Василевич впервые отправилась в самостоятельное исследование по направлению Ленинградского отделения Комитета содействия народностям северных окраин (Комитета Севера). Этот правительственный орган, созданный в 1925 году, ставил задачи помощи национальным районам и развитию уровня культуры и быта населения Севера. Выпускники этнографического факультета стали участниками этой работы в первый же год. Задачами Г. М. Василевич в ходе командировки были определены этнографические наблюдения и лингвистическое исследование языка эвенков в Иркутской и Енисейской губерниях. Тем не менее, эта командировка была скорее разведкой, ведь таких работ

³⁸ Ермолова Н. В. Тунгусовед Г. М. Василевич // Репрессированные этнографы. Вып.2. — М., 2003. — С. 22, 36.

еще не велось и контактов ни у специалистов этнографического факультета, ни в Комитете Севера не имелось. Известно, что на тот момент также отсутствовали и конкретные данные по расселению эвенков и другим статистическим вопросам, что серьезно осложняло подготовку поездки в Ленинграде. Экспедиция продлилась почти четыре месяца, три из них Г. М. Василевич провела в кочевках, заведя тесные контакты с представителями эвенкийского народа. Результаты поездки опубликованы в 1926—1930 годах.

Как указывает в биографии Г. М. Василевич этнограф Надежда Всеволодовна Ермолова, вероятнее всего точное место этой первой командировки Комитетом определено не было. В командировочном удостоверении были указаны оба этих пункта назначения, а письма о содействии были отправлены также и в Иркутский, и в Красноярский комитеты Севера. План командировки, таким образом, готовила сама исследователь. Первым пунктом был выбран Усть-Кут в верховьях реки Лены в Иркутской губернии, но результатами длительной поездки туда стали сведения, по ее словам, «чисто расспросного характера», в Иркутске и Усть-Кутском волостном исполкоме данных по расселению эвенков, как и в Ленинграде, найти не удалось. Вот как об этом свидетельствует Н. В. Ермолова: «По ним оказалось, что эвенки, кочевавшие здесь по притокам Лены еще лет 20 тому назад, теперь оттеснены на Нижнюю Тунгуску и предположительно должны находиться там в районе ее левого притока реки Непы. Тогда Г. М. Василевич меняет маршрут и, чтобы попасть в нужный район, нанимает сначала лодку, на которой поднимается вверх по Лене до села Маркова, и оттуда с проводниками верхом на лошадях уходит в тайгу на северо-запад, где через неделю встречает эвенкийские стойбища»³⁹.

По возвращении из командировки в 1925 году Г. М. Василевич получила предложение вести занятия по этнографии тунгусских народов. В это время Географический институт был включен в состав Ленинградского университета как Географический факультет, и его факультеты преобразованы в отделения – общегеографическое и этнографическое. Система образовательного процесса на этнографическом отделении также была серьезно изменена: студенту необходимо было выбрать один из восьми циклов обучения, сформированных по группам лингвистически родственных народов. Именно в контексте цикла велась подготовка этнографов, в нее было включено и изучение языка изучаемого этноса. Одним из циклов был цикл по изучению эвенков (тунгусский). Г. М. Василевич была приглашена ассистентом на этнографическое отделение вести занятия по этнографии тунгусских народов, а курс эвенкийского языка вел составитель первого проекта эвенкийской письменности Я. П. Алькор (Кошкин). Преподавание языков коренных народов было абсолютным новшеством, по свидетельству биографа Василевич, изучать его начали «на основе грамматики М. А. Кастрена с привлечением носителя языка – прибайкальского эвенка Полтеева, от которого велась запись текста на эвенкийском языке с последующим подробным морфологическим анализом»⁴⁰. Василевич также присоединилась к слушателям на языковой курс. Известно, что уже к 1929 году этнограф знала язык в совершенстве: в экспедиции в район бассейна Олекмы и Витима не только выступала в роли переводчика, но и на районном съезде советов представила доклад о деятельности Комитета Севера на эвенкийском языке⁴¹.

Вторая экспедиция Г. М. Василевич к эвенкам по заданию Комитета Севера продлилась практически полгода: с сентября 1926 по апрель 1927 года этнограф находилась в районе средней части бассейна Подкаменной Тунгуски, в Богучанском и Таимбском районах Красноярского округа. Результатом этой поездки стала и первая эвенкийская коллекция Василе-

³⁹ Ермолова Н. В. Тунгусовед Г. М. Василевич // Репрессированные этнографы. Вып. 2. – М., 2003. – С. 17.

⁴⁰ Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 18.

⁴¹ Кронгауз Ф. Ф. Крупный ученый и педагог эвенкийского народа // Г. М. Василевич – крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). – Якутск, 1965. – С. 14.

вич, переданная в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), а также статья «Игры тунгусов» на основе материалов коллекции⁴². Перерыв в полевых выездах будет сделан ей в 1928 году, в это время ученый готовит к изданию первую книгу для чтения на эвенкийском. Но уже в 1929 году состоялась поездка к эвенкам Якутии, а в 1931, а в 1931 году – первая исключительно лингвистическая экспедиция к эвенкам Нижней Тунгуски⁴³. В 1935—1936 годах Г. М. Василевич полгода проводит в экспедиции в Эвенкийском национальном округе, задачи, которые ставит перед ней Министерство просвещения, касаются проверки применимости и правильности составленных для северных школ учебных пособий, а также помощь учителям. Известно, что в экспедиционные выезды Г. М. Василевич совершает до последних лет жизни. С целью изучения современной ситуации летом 1959 года Г. М. Василевич с двумя московскими коллегами посетила Катангский район Иркутской области, а летом 1960 года – Эвенкийский национальный округ. Последнюю экспедицию этнограф предпринимает в возрасте 74 лет, еще раз побывав на юге Якутии и в Амурской области. В эту поездку в 1969 году Г. М. Василевич вновь посетила эвенкийские поселки Якутии: Первомайский, Тынду и Золотинку (Иенгру), в которых была с исследованием в 1947 году⁴⁴.

Ведя масштабную исследовательскую работу Г. М. Василевич также с самого начала пути принимает активное участие в обучении студентов из числа народов Севера. С 1927 г., продолжая преподавать на этнографическом отделении университета, она поступает на работу на Северный факультет созданного в это время Ленинградского Восточного института. Уже через три года – в 1930-м, Северный факультет выделен в автономное учебное заведение – Институт народов Севера. Именно на базе Института стала вестись работа по созданию письменности для языков северных народов, и в нее активно включена Г. М. Василевич, занимается подготовкой учебников эвенкийского языка. Первым пособием стал подготовленный ей 30-страничный эвенкийский букварь «Памятка тунгусам-отпускникам», вышедший в 1928 году⁴⁵. Студенты Северного факультета, уезжавшие на каникулы, получали ее на руки, чтобы заниматься обучением своих родных грамоте. Букварь содержал тексты на латинизированном эвенкийском, а издан был стеклографическим способом, то есть, по сути, написан от руки, поскольку типографских шрифтов для такой письменности еще не существовало. Н. В. Ермолова приводит воспоминания Г. М. Василевич о том, как в 1927 году ей «самой пришлось „отпечатать“ (написать печатными буквами) первую азбуку и размножить на стеклографе. ... эвенки, уезжая в отпуск, развезли эту азбуку по всем районам, и там, в чумах, сами учили читать и писать на родном языке (на латинизированном алфавите) детей и взрослых эвенков»⁴⁶. Через два года так же с помощью стеклографа вышла в свет «Первая книга для чтения на тунгусском языке», включившая 28 небольших эвенкийских текстов⁴⁷. В 1931 году выходит первая книга на эвенкийском языке, отпечатанная типографским способом (после утверждения алфавита), – «Начальная тунгусская книга»⁴⁸. Помимо текстов для чтения на эвенкийском в нее вошла и составленная ученым краткая характеристика своеобразия нескольких диалектов (сымский, подка-

⁴² Василевич Г. М. Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. – 1927, №1. – С. 150—157.

⁴³ Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 21.

⁴⁴ Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 38.

⁴⁵ Василевич Г. М. Памятка тунгусам-отпускникам. Стеклограф. – Л., 1928. – 30 с.

⁴⁶ Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 19.

⁴⁷ Василевич Г. М. Первая книга для чтения на тунгусском языке. Стеклограф. – Л., 1929. – 28 с.

⁴⁸ Василевич Г. М. Начальная тунгусская книга. – М., 1931. – 128 с.

менно-тунгусский, токминский, ербогаченский, олекминский и амурский). Г. М. Василевич не только выступала автором и составителем литературы на эвенкийском, но и активно принимала участие в консультировании и редактировании текстов других ученых. В 1930-х годах особенно активно велась работа по изданию, как оригинальной, так и переводной художественной и политической литературы. Глафирой Макарьевной собственноручно переведено на эвенкийский и отредактировано 14 изданий политико-просветительской актуальной для того времени литературы, среди которой не только идеологические тексты, но и жизненно важные просветительские издания, например, «Как лечить больного человека» Свердлова В. С. и «Почему надо охотиться в срок» Рахманина Н. Г.⁴⁹. По словам из автобиографии Г. М. Василевич, приведенным Н. В. Ермоловой, лингвист имела отношение практически ко всей выпущенной на эвенкийском языке до 1940 года литературе: «90% переводной литературы с 1934 по 1940 г. проведено при моем ближайшем участии как учителя переводчиков и редакторе. Вся оригинальная литература, выпущенная под моей редакцией, – результат моей работы с наиболее талантливыми эвенками»⁵⁰.

Тогда же, в 1930-е годы, начинают издаваться переводы русской классической литературы на национальные языки. И не только в качестве пособий для изучения языка, но и как средства приобщения населения национальных районов к высокой культуре. Первыми книгами, подготовленными Г. М. Василевич и вышедшими в 1935 году, стали переводы четырех басен И. А. Крылова, двух сказок А. С. Пушкина, рассказов о животных Л. Н. Толстого и «Люди Севера» Л. Якобсона⁵¹. Первые восемь книг 1935 и 1936 годов вышли на латинизированном эвенкийском, а в 1938 году выходят два первых эвенкийских перевода русской литературы на кириллице⁵². В целом до последнего издания в 1951 году Г. М. Василевич было подготовлено к публикации 16 изданий художественных переводов. Помимо переводов на эвенкийский издаются и оригинальные эвенкийские тексты, как современные, составленные для книг для чтения, так и исторические. До 1960 года Г. М. Василевич подготовлено и отправлено в печать 14 изданий оригинальных произведений эвенкийских авторов и отдельных образцов эвенкийского фольклора в книгах для чтения. В 1934 году был опубликован первый сборник эвенкийских сказок, записанных в ученым полевых выездах⁵³. В 1936 году благодаря тщательной обработке собранного полевого материала вышел из печати составленный Г. М. Василевич первый в истории фундаментальный труд по эвенкийскому фольклору, который помимо текстов, записанных самой исследовательницей, включил также основные имеющиеся с XVIII века тексты, а также материалы коллег по Институту народов Севера. Тексты представлены в работе на исконных языковых диалектах и в переводе на русский⁵⁴. Эта работа будет также продолжена ученым, и в 1966 году будет опубликован труд «Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания»⁵⁵. А практика перевода найдет свое отражение в публикации «Переводческая работа на языках народов Севера за годы Советской власти» 1958 года⁵⁶.

⁴⁹ Свердлов В. С. Как лечить больного человека. Перевод Г. Василевич, А. Салаткина, И. Абрамова. – М., 1933. – 10 с., Рахманин Н. Г. Почему надо охотиться в срок. Перевод Г. Василевич. – М., 1933. – 16 с.

⁵⁰ Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 24.

⁵¹ Крылов И. А. Четыре басни. Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1935. – 14 с., Пушкин А. С. Сказки. Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1935. – 28 с., Толстой Л. Н. Рассказы о животных. Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1935. – 24 с., Якобсон Л. Люди Севера. Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1935. – 24 с.

⁵² Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке. Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1938., Фадеев А. П. Метелица (отрывок из романа «Разгром»). Перевод Г. М. Василевич. – Л., 1938. – 40 с.

⁵³ Василевич Г. М. Эвенкийские сказки. – Л., 1934. – 20 с.

⁵⁴ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л., 1936. – 290 с.

⁵⁵ Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. – М.: Л., 1966. – 400 с.

⁵⁶ Василевич Г. М. Переводческая работа на языках народов Севера за годы Советской власти // В помощь учителю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.